

ПИОНЕР

АВГУСТ

Издательство „Правда“ 1948 г.

8

№ 8

П И О Н Е Р

АВГУСТ

*Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ*

1948 г.

Вас ждёт родная школа!

Дружно за дело!

К. В. Воронков
Заведующий отделом пионеров ЦК ВЛКСМ

Закончилось веселое пионерское лето. Скоро все школы снова наполнятся звонкими голосами ребят.

В этом году каникулы у вас, ребята, прошли особенно интересно.

Больше двух миллионов пионеров жили в пионерских лагерях, из каждой школы группы юных путешественников отправились в походы по родному краю, а для ребят, оставшихся в городе, были устроены лагеря и площадки в школах, парках, домах пионеров, во дворах. Партия и правительство не пожалели сил и средств, чтобы вы, ребята, хорошо отдохнули, укрепили своё здоровье и весело, увлекательно провели лето.

Вы многому научились, многое повидали и узнали за лето. Вы занимались спортом, плавали, играли в футбол, волейбол, сдавали нормы БГТО; вы наблюдали жизнь растений, выращивали на опытных грядках цветы и овощи, разучивали новые танцы и песни, научились играть в шашки, шахматы, прочитали много новых книг.

В походах вы узнали, как составлять топографические карты, ориентироваться на местности, сигнализировать по азбуке Морзе, приобрели навыки разведчиков. Вы научились собирать и составлять коллекции и гербарии, писать донесения, разжигать костры, готовить на них пищу. Каждый занимался тем, что ему больше нравилось, учился тому, что его интересовало.

Есть у нас доброе старое пионерское правило: узнал, научился чему-либо полезному — не оставляй про себя, поделись с товарищами своим опытом и знаниями. Вспомните это хорошее правило теперь, когда весь ваш отряд снова собрался в школе.

Летом Слава Сухов из 6-го класса 11-й школы г. Бежицы прислал письмо в журнал «Пионер»: «Сейчас я отдыхаю в пионерском лагере, здесь каждый занимается своим любимым делом. Я — в кружке топографии. Руководитель кружка научил нас ориентировать карту по местности, показал, как пользоваться компасом, мы разучили условные топографические знаки. Первого сентября соберётся в школе наш отряд. Каждый за лето чему-нибудь научился. А я скажу, что стал топографом и пред-

ложу в отряде организовать кружок, в котором сам буду инструктором! Прекрасное предложение, Слава!

Если и остальные пионеры твоего отряда в кружках и звеньях обучат своих товарищей тому, что они узнали за лето, работа в отряде пойдёт живо и увлекательно и принесёт много пользы ребятам.

Вячеслав Марченко из Пустошской школы, Старорусского района, Новгородской области, всё прошлое лето путешествовал по берегам озера Ильмень. Он хорошо узнал край, познакомился с бытом рыбаков, научился ловить рыбу различными снастями. Зимой в школе по поручению совета дружины он организовал кружок краеведов. Вячеслав научил ребят походным правилам, прочёл с ними немало книг по истории и этнографии родного края и нынешним летом организовал поход пионеров своей школы по берегам озера Ильмень.

Вот как важно для пионерской организации помочь ребятам закрепить полученные ими за лето знания и организованно передать их другим пионерам.

Как же этого добиться?

Скоро во всех звеньях, отрядах и дружинах начнутся переборы пионерского актива. Ребята будут отчитываться в своей работе. Вот тут-то и можно широко показать, чему вы научились за лето.

Пусть юные путешественники устроят выставки своих гербариев, коллекций, зарисовок, дневников и карт; юннаты покажут выращенные ими плоды и овощи. Сделайте витрину прочитанных за лето книг, выпустите стенгазету. Получится прекрасная выставка, которую интересно посмотреть каждому пионеру. А на отчётном сборе спойте новые песни, спляшите, покажите физкультурные упражнения, продемонстрируйте, как вы умеете сигнализировать, оказывать первую помощь, ориентироваться на местности и т. д. Каждому должно найтись место в таком отчёте — и тем ребятам, которые были в лагерях и походах, и тем, которые оставались в городе или уезжали к родным и получили от отряда отдельные задания на лето.

Такой отчёт не только интересно слушать: вам сразу станет ясно, кому какую работу можно поручить,

кого выбрать вожатыми звеньев, членами и председателем совета отряда или дружины.

Пионерка Вера Щербина летом в лагере предложила девочкам организовать хор. Первая же песенка оказалась девочкам трудной, и хор расстроился. Но Вера помогла одной, другой — и хор наладился, песню разучили. Вера показала себя хорошим организатором и товарищем. Почему бы не выбрать её вожатой звена или членом совета отряда? Юннатам отряд и дружина может поручить озеленить классы и коридоры школы, руководить посадкой молоденьких деревьев в школьном дворе.

Пионеры, которые летом работали на детской площадке во дворе, собирали вокруг себя ребятшек, играли с ними, пели песни, гуляли, читали, с успехом могут проводить такую же работу зимой с малышами из первого и второго классов или в подшефном детском доме.

Так, каждому пионеру будет поручена работа, которая придётся ему по душе, в которой он сможет особенно широко проявить свои способности и знания. Это поможет звеньям, отрядам и дружинам хорошо спланировать работу на зиму.

А чтобы новый актив хорошо работал, нужно организовать семинары вожатых звеньев, членов советов отрядов, руководителей кружков и редакторов стенных газет. Нужно с начала учебного года организовать и наладить работу кружков в школе.

Этот год знаменателен большим событием: 29 октября исполнится тридцать лет ленинско-сталинскому комсомолу.

Комсомольцы — ваши старшие братья и товарищи. С любовью и вниманием помогают они воспитывать пионеров, свою боевую смену. Лучших своих людей посылает комсомол для работы среди пионеров, на каждом шагу чувствуют ребята заботу своих старших товарищей. Порадуйте же их в день тридцатилетия комсомла своими достижениями и успехами!

Первый, самый главный ваш под-

рок комсомолу — отличная и хорошая учёба.

Ваш долг, пионеры, — добиться, чтобы все ребята в звеньях и отрядах с первого же дня занятий учились ровно, без перебоев, настойчиво и упорно. Дело чести каждого звена и отряда — рапортовать комсомолу в день его тридцатилетия отличными и хорошими отметками.

Вы, пионеры, юные ленинцы. Это высокое звание обязывает вас не только хорошо учиться, но и быть хорошими общественниками. Ваши дела на пользу коллектива, на пользу всего народа будут ещё одним славным подарком комсомолу в день его тридцатилетия.

Пионеры — младшие братья комсомольцев, поэтому каждый из вас должен знать историю комсомола. Пригласите на пионерские сборы комсомольцев. Пусть они расскажут вам о том, как зарождался комсомол, как помогал партии бороться за молодую Советскую республику, как строил города и заводы, сражался на фронтах Великой Отечественной войны. Прочитайте и обсудите книги, посвящённые героическому труду и воинским подвигам комсомольцев. Устройте выставку о комсомоле, на которой покажите, за что комсомол получил три великих правительственных награды — три ордена.

В отрядах шестых и седьмых классов есть немало пионеров, которым исполнилось четырнадцать лет. Лучших из них, показавших пример в учёбе, дисциплине и общественной работе, рекомендуйте в ряды ленинско-сталинского комсомола.

Каждый из вас захочет, конечно, приготовить комсомолу и свой личный подарок. Это могут быть и рисунки, и стихи, и выращенные вами цветы, и вышивки — всё, что подскажут вам ваша фантазия и доброе желание показать свой труд, умение и знания.

Увлекательной и интересной будет жизнь каждого отряда, если все вы, ребята, с самого начала дружно возьмётесь за дело.

Желаю вам успеха, друзья! В добрый час!

ДАЛЕКАЯ ШКОЛА

Повесть М. Марьенкова

Рис. Б. Винокурова

На краю тундры

Там, на далёком севере, где стоит избушка Гришиного отца, летом ночи не бывает. Круглые сутки светло. Отличить дневное время от ночного можно в ясную погоду по высоте солнца, а в пасмурные дни по тишине, которая ночью устанавливается среди крикливого птичьего мира.

С утра отец на тузике, небольшой фанерной лодочке, осматривал сеть. Где же быть Гришке в такое время, как не с отцом! Пока отец перебирал сеть, Гришка подгрёбал веслом. Четыре гольца, каждый подлинней полена, попали в сеть за ночь. И то хорошо! Один пойдёт на уху и на жареное, остальные три — в бочку с рассолом, там места много.

Потом отец взял ружьё, отвязал Буяна и пошёл в тундру вверх по ручью. У Гришки ружья не было. Не беда! Всё равно тратить заряды на линных гусей, которые и летать сейчас не могут, не приходится. Порастеряли гуси во время линьки лёгкие перья из крыльев и, пока не отрастут новые, могут только плавать по воде да бегать по тундре. Хитрая птица — гусь: так спрячется в каменной россыпи — не заметишь и в трёх шагах. Иной раз почти ногой на серую спину наступишь, лишь тогда гусь сорвётся с места, загогочет, побежит, помогая бегу взмахами крыльев. Без ружья охотиться можно: и палкой подбьёшь и руками иногда схватишь.

Вдвоём Гришка с отцом принесли из тундры одиннадцать гусей.

После обеда отец чинил ружьё для завтрашней охоты на оленей, а мать возилась с

гусями: щипала их, погрошила. Гуси тоже шли в засол. Полярное лето короче комариного носа; что успеешь заготовить впрок, то и будет на год.

У Гришки, конечно, своих дел не меньше, чем у отца с матерью. После обеда он обошёл упряжных собак. Чтобы они зря не бегали и не пугали оленей, собак посадили на цепи возле пустых бочек, служивших будками.

Собаки рвались к Гришке, натягивая цепь так, что ошейник сдавливал горло, превращая радостный лай в жалкий хрип. Только вожак упряжки Буян с достоинством поднялся со своего места, потянулся и положила Гришке на плечи большие и крепкие лапы. Пятеро щенков — молодые, бестоковые, и уши-то у них ещё не стоят, а висят, как тряпки, — запрывгали кругом Гришки, начали путаться под ногами.

На высокой каменной гряде Гришка поправил и укрепил знак — жердь с небольшим красным флагом. Флаг выцвел, стал розовым и прозрачным, как сито, — так его раздала ветер. Но он обозначал жилой пункт на далёком пустынном севере и кроме того служил вехой, указателем. Знак издали был виден в тундре.

Отсюда, с каменной гряды, Гришка долго наблюдал за пологими желто-зелёными холмами тундры, не видать ли на их склонах серых передвигающихся пятнышек — диких оленей. Нет, не видать! Ветер дует от избушки, а олень чуток. Завтра придётся за ними далеко идти.

В ручье, который сбегал в море неподалёку от избушки, вода опять подмыла небольшую запруду. Воду ещё можно было черпать ведром, но лучше не откладывать по-

чинку: легче сегодня принести пять ведёр глины и гальки, чем завтра десять. Укрепив плотину, Гришка, как в зеркало, посмотрелся в ручей. Лицо круглое, брови белые, глаза — и в воде видно — блестят. Недаром мать часто называет Гришку остроглазым. На голове, как и у отца, длинноухая шапка, чабак, из пыжика — шкуры только что народившегося оленёнка.

Полюбовавшись на себя, Гришка отогнал светлых ценят и пошёл на обрыв к морю. Там у него было заветное место. Он лёг животом на обрыв и долго смотрел вниз. Внизу, метрах в полутора от гришкиных глаз, на небольшом выступе прилепилось гнездо. В нём сидела утка. Ещё день, два — и появятся маленькие жёлтые утята.

Вернувшись к избушке, Гришка решил вместо двухлопастной мельницы-вертушки сделать большую, четырёхлопастную. Уж та будет крутиться на совесть! Гришка прикидывал в уме, из чего её лучше сделать, но в дверях показалась мать и позвала:

— Гришка, ужинать!

Ужин означал конец дня. После ужина нужно было ложиться спать. А завтра весь день уйдёт на охоту за оленями. Новую вертушку дозарезу нужно было бы сделать сегодня. Гришка помедлил, подумал, но, вспомнив про гусиные потроха и уху из голца, пошёл ужинать.

День прошёл, ничем не выделяясь и ничего особенного не обещая. Гришка уснул быстро и безмятежно. Но проснулся он среди ночи в тревожном беспокойстве. За стенами избушки выл ветер, от которого, вероятно, гришкина вертушка крутилась, как бешеная. С воем ветра сливался лай собак...

Посредине избушки стоял незнакомый мужчина в коричневом кожаном пальто и в круглой кожаной шапке, делавшей голову его похожей на голову нерпы. Он был худ, высок ростом, с резкими чертами лица, но с весёлыми серыми глазами. Незнакомец разговаривал с гришкиным отцом:

— Машину ветром прижало. Ну, подумал я... — но он так и не сказал, что подумал; склонив голову набок и прищурив глаза, он весело присвистнул. — Ничего! Машина сейчас на якорах стоит в Тюленьей губе.

— В Тюленьей губе? — переспросил отец. —

Место там надёжное, тихое, но как вы добрались оттуда? На заливе волна...

— Пешком! Надувная лодка осталась в самолёте, у механиков, а мы по берегу сюда. Речку пришлось вброд переходить. Подмокла малость.

Только теперь Гришка заметил у дверей ещё двух человек, снимающих мокрую одежду.

Мать хлопотала. Достала из сундука сухое бельё, растопила плиту, развесила над ней мокрую одежду густей.

Второй гость, приметный по густой чёрной, слегка подбелённой сединой бороде, раздвоенной, словно рубий хвост, примогнулся к плите. Сокрушённо покачивая головой, он сушил какие-то бумажки, разглядывая их на свет и снова сушил.

У всех гостей, как заметил Гришка, были странные имена. Высокого называли штурманом. К обладателю раздвоенной борды обращались с заметным почтением: «Профессор». И только третьего, седоволого, с лицом моложавым и румяным, именовали понятней — Гурьянчем. Было заметно, что Гурьянч у профессора — помощник, вроде как Гришка у отца.

Гришка делал вид, что спит, а на самом деле всё видел и слышал: как пили чай и хвалили гуситину, как рассказывали о полёте и вынужденной посадке, как передавали новости.

И половины нельзя было понять в оживлённом разговоре за столом, но одно для Гришки было ясно: эти люди приехали издалека, с той таинственной «Большой земли», о которой Гришке рассказывал отец.

К полудню гришкина вертушка стала вертеться медленней. Белые барашки на заливе пропали, как снег под весенним солнцем. Отец, Гришка и гости на карбасе отправились к месту посадки самолёта.

В небольшой бухте, защищённой от ветра высокими скалистыми берегами, сидела на воде самолёт. Издали увидел Гришка его стройное, слегка изогнутое туловище с поднятым хвостом. Отражение крыльев серебром и голубиной переливалось на небольших гладких волнах. Вблизи эта птица оказалась огромной, вся из белого, незнакомо Гришке, волнистого металла. Так вот он какой, самолёт!..

Карбас вплотную подошёл к самолёту. Из кабины высунулось блестящее не то от пота, не то от масла лицо бортмеханика.

— Влезайте! Влезайте! — кричали сверху. — За вами задержка. У нас всё готово!

Внутри самолёта Гришка просто-напросто растерялся. Подавленный, он смотрел на диковинное сплетение трубок, на рычаги и рукоятки, на стрелки приборов и, наконец, не выдержал:

— Кто это сделал? — спросил он у дяди штурмана.

— Как «кто»? Обыкновенные люди...

Обыкновенные люди!.. Гришка даже не решился расспрашивать дальше. Обыкновенные люди ловят рыбу, ставят капканы на песца, стреляют оленей, ездят на собаках, а не самолёты строят...

Буян с достоинством поднялся со своего места, потянулся и положил Гришке на плечи большие лапы.

Улетающая машина стала похожа на чайку.

Профессор, словно поняв гришкины мысли, улыбнулся:

— Обыкновенные-то обыкновенные, да не совсем. Они учились много. Слышал, как старики говорят: «Не учась, и лапта не сплетётся». Чтобы сделать такую штуку, надо учиться. И летать — тоже нужно учиться! Вот штурман лет пятнадцать учился — в воздухе ему везде дороги, не заблудится. И я лет двадцать с лишним учился, да и сейчас ещё подучиваюсь. А сколько времени ты учился?

— Я? Я... не учился.

— И в школе не был?

— Нет, не был.

— Да ну! — профессор огорчённо покачал головой. — Нехорошо! Совсем нехорошо! Глушь здесь, далеко от всего, но учиться надо. В школу тебе нужно, Гришка, в школу!

Дядя штурман нагнулся к Гришке:

— А книги у тебя есть?

— Какие у нас книги! — ответил за Гришку отец. — Да и чтен из меня самого плохой. Одну газету пять дней читаю. Не у кого Гришке учиться.

Дядя штурман вынул из кожаной сумки книгу:

— Хотя ты сейчас и не можешь её прочитать, но как только научишься, — прочти. Самолёты строить трудно, а вот устроить, чтобы людям жилось хорошо, по-человечески, — куда труднее, самое трудное дело в жизни. В этой книге написано про человека, больше всех сделавшего для счастья людей... Береги её и прочитай!

Штурман торопливо написал что-то на первой странице, сунул книгу Гришке в руки, хлопнул его по плечу и нырнул в носовую кабину. Все стали прощаться, жали руки отцу и Гришке...

— Вылезай! — заторопил Гришку отец.

Гришка и не помнил, как очутился на трубчатой железной лесенке, как спрыгнул в карбас.

— Счастливого пути! — крикнул отец, а дверка самолёта уже захлопнулась...

Карбас отошёл от машины на почтительное расстояние. Из люка самолёта кто-то помахал рукавицей. Потом захлопнулся и люк. Скрыв внутри себя людей, самолёт стал похож на живое существо, которое и без людей знает, что ему делать.

Улко и торжественно заревели винты. В пене и брызгах самолёт заскользил по воде всё быстрее и быстрее. Белый след, тянувшийся за самолётом, словно огромная ватная прядь, вдруг оборвался, остался позади. На миг показалось, что самолёт мокрым блестящим животом ударится о высокие известняковые скалы берега. На развороте ослепительно блеснула на солнце серебристый бок. Улетающая машина стала похожа на чайку.

— Довольно глазеть! — сказала отец. — К дому! Держи вон на тот серый камень!

Вёсла с силой ударили по воде, Гришка сунул за пазуху книгу и крепко, двумя руками, сжал румель.

До этого дня всё в жизни Гришки было ясно и просто...

Жил он в избушке, помогал отцу: летом — промыслять рыбу, птиц, оленя; зимой — ловить песцов, снимать и растягивать для просушки на пялах-их белые пушистые шкурки, за которые на складе зимовья Смежень можно получить и порох, и керосин, и сахар, и муку.

Вырастет Гришка, станет таким же, как отец, большим и сильным, всё умеющим делать. Будет тогда у Гришки своя избушка, будет ружья — и дробовка-двустволка и нарезной пятизарядный карбин. Научится Гришка управлять не только карбасом, но и моторным катером «Гагара», который каждое лето приходит с дядей Флегонтом из зимовья Смежень.

Знал Гришка, что зимовье Смежень хотя и далеко, но там такие же избушки, как та, где живёт Гришка. В Смежени промысловая

Тут пошли настоящие разговоры...

артель. Дядя Флегонт в прошлом году объяснил Гришке, что значит артель. «До советской власти, — сказал дядя Флегонт, — каждый работал и промышлял в одиночку. Один много не сделаешь. Бились, как рыба об лёд! Кто похитрее, покладней и побогаче, заводили карбаса, сети, хорошее оружие и разную снасть для промысла. За пользование всем этим промышленникам приходилось работать на богатого соседа. Уж как твой дед, а мой отец, — говорил Флегонт, — был на работу лих и промысел понимал, а за всю свою жизнь не мог из долгов вырваться, как песец из капкана. А теперь в артели всё снаряжение общее и добыча общая. Сразу в гору пошли!»

Дальше за Смеженью есть радиостанция. Там живут люди, умеющие по воздуху разговаривать со всем миром. Ещё дальше — на юг, на восток и на запад — лежит «Большая земля», беспредельный Советский Союз, большая и могучее государство, Родина!

Отец был молчалив — на севере люди не любят много разговаривать, — но в долгие зимние вечера он рассказывал Гришке о том, как пахут землёю, как сеют и жнут хлеб, какие высокие деревья растут на земле, рассказывал о людях, о городах, о громадных каменных домах.

То, что рассказывал отец, было так необычно, что Гришка иногда с недоверием относился к его словам. Ну, мыслимое ли это дело, чтобы были такие земли, где и снега никогда не бывает! Но приходилось верить. Отец — это Гришка хорошо знал — был не из тех, кто может приварить.

Мать рассказывала Гришке сказки — про волков, лисиц, про Змея-Горыныча, про Иванушку-дурачка. Гришка верил и сказкам.

Но всё же тундра и море, собаки и олени, промысел и жизнь в избушке, одиноко стоявшей на берегу, не шли в сравнение ни со сказками матери, ни с рассказами отца. Всё это было на глазах и составляло гришкину жизнь. Близкое заслоняло далёкое, и Гришка редко думал о том, что делается там, на «Большой земле».

Теперь всё пошло иначе. Серебряная птица прилетела из другого мира и своим прилётом подтвердила, что такой мир действительно существует, что есть на свете всё, о чём Гришка только слышал: и высоченные дома, состоящие из поставленных друг на друга десятков домов, и самоходные повозки, бегающие быстрее оленей, и другие необычайные вещи. Всё там есть! Всё там умеют делать! Обыкновенные люди, такие же, как Гришка, учатся и становятся необыкновенными, всемогущими...

Гришка ведь тоже пробовал учиться зимнюю азбуку у отца. Отец научил Гришку считать до ста и показал все буквы и как их складывать в слова. Но это дело туго шло у Гришки, особенно письмо.

Вернувшись домой, Гришка бережно вынул из-за пазухи книгу, подаренную ему на самолёте. Надпись, которую штурман сделал на первой странице, Гришка разбирает долго. Но всё же он одолел эту надпись. Она гласила:

«Грише от дяди штурмана.

«Чтобы строить, надо знать, надо овладеть

наукой, а чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо». Это сказал молодёжи товарищ Сталин. Запомни это, Гришка!

Как не запомнить! В начале книги был портрет человека, сказавшего эти слова, человека, много жившего и столько сделавшего для счастья людей! Книга рассказывала о его жизни. А Гришка даже прочитать её не мог!

На следующий день утром, за завтраком, Гришка сказал отцу:

— Я хочу учиться!

Отец ничего не ответил, пока не кончили завтракать. Выходя из-за стола и не глядя на Гришку, он сказал:

— Где здесь учиться! В Москву тебя, что ли, отправляют? А кто же мне помогать будет? Вот учишь лучше пещцов ловить.

На следующий день Гришка подошёл к матери.

— Я хочу учиться, — тихо сказал он, — а отец не отпускает.

— Надо, сынок, надо, — ответила мать. — Известно, ученье — свет, а неученье — тьма. Отец и сам о том давно думает. Понимает он, только жалко тебя отпускать. Вот он и хотел ещё годик подождать.

Гришка выбежал из избушки.

— Хочу учиться, — сказал он Буяну и обняла толстую мохнатую шею; Буян лизнул гришкину щёку и, тихо повизгивая, посмотрел в тундру.

Ох, далеко отсюда школа, далеко!

Утята вывелись в гнезде и вместе с мамашей куда-то пропали. Прозвела это событие Гришка! Пусть их! Какое теперь Гришке дело до утят?

«Дети, в школу собирайтесь!»

«Гагару» поставили надёжно, врястяжку, на два якоря: один — с носа, другой — с кормы. Разгружали, не торопясь, говорили немного. Во всём чувствовалось предвкушение долгой беседы за столом, хорошего отдыха для прибывших. Мать раньше всех ушла в избушку; дым из трубы так и валит: готовится разная снедь, а душистая брага с изюмом давно уже выдерживается в кадке.

Но вот разгрузка закончена, и все двинулись к дому.

В избушке сразу стало тесней, как только в неё вошёл дядя Флегонт. В плечах он пошире отца и ростом выше. На Флегонте вместо полушубка прошлогодняя, знакомая Гришке пыжиковая рубашка. Свитер под рубашкой не тот: был коричневый, а теперь серый. Лицом нисколько не изменился дядя Флегонт. Тот же высокий лоб, мохнатые, сердитые брови и прищуренные, с хитринкой глаза. Усы белые, жёсткие, как ни закручивай — всё торчатся. На щеках поблёскивает короткая, словно у нерпы, щетина. Силы у дяди Флегонта на двоих, и шуму от него тоже за двоих. Шутить любит. Так и кажется, что из дяди Флегонта двух человек можно сделать, да ещё каких!..

Товарищ дяди Флегонта — новый для Гришки, незнакомый человек. Лицо у него изуродованное, тёмное, всё в щербинах. На работе он ловкий, но в разговоре не боек. Флегонт зовёт его Тихоном. Во время разгрузки Флегонт коротко рассказал о Тихоне:

— Наш, сибиряк с Енисея. На войне его ручная граната, видишь, как приласкала. Хорошо, что глаза успел прикрыть. А паренёк был — хоть на плакате рисуй. Вот подале от невест к нам и забрался. С трудом к своему лицу привыкает. Увидит себя в зеркале — бледнеет. А моторист — золото! Игнатию Петровичу есть чему у него поучиться, у молодого-то...

Стол весь заставлен. Постаралась мать. Гришкино место в уголку, но и ему поднесли браги. Только лучше бы Гришке и не пробовать её. Недалго просидел он за столом. Только пошла настоящие разговоры, а Гришку ко сну потянуло. Крепко уснул Гришка и проспал всё — и новости и рассказы. А главное, проспал разговор о себе, о том, учиться ему в этом году или нет. А такой разговор был. Это понял Гришка утром, когда Флегонт сказал:

— Ну, ученик, собирайся! Поедем за дровами!

Два дня на «Гагаре» и на карбасе возили дрова из-за мыса, с берега открытого моря. Там, на прибрежные косы, волны накидали плавники — деревянных обломков, досок и брёвен.

Во время работы Гришка узнал от дяди Флегонта новость: иначе в Смежень пароход привезёт школу. Отец согласен отпустить Гришку в Смежень. Жить ему там у дяди Флегонта.

— Будешь пахом учиться — назад отправлю! — погрозил дядя Флегонт.

На третий день Гришку разбудили рано. Флегонт прогудел ему прямо в ухо:

«Дети, в школу собирайтесь,
Пегушок пропел дано!
Попроворней одевайтесь,
Смотрит солнышко в окно!»

Отец уговаривал Флегонта погостить ещё денёк — два, но тот не соглашался:

— Радиостанция сообщала, что льды могут подойти. Месяца через полтора, если погода будет, жди. Снова прикатим!

Мать поцеловала Гришку, смочила его щёку слезами. Отец сказал: «Смотри, не дурни, учишься». Собаки завывали на прощанье, и Гришка на тузике поплыл к «Гагаре».

Мотор застучал, запел свою трудовую песню, и «Гагара» закачалась на волнах, пошлёпывающих её по носу. Избушка уменьшалась, каменная гряда за ней становилась ниже и длиннее, отодвигалась вместе с избушкой куда-то вбок и как-то неожиданно спряталась за высокий обрывистый мыс. Впереди засинело бескрайнее открытое море.

Прощайте, отец и мать, прощай, Буян! Гришка едет учиться, едет далеко и надолго.

Березки у дорог

З. Александрова

Рис. В. Цельмера

Чтобы меньше было пыли,
Больше тени в жаркий день,
Чтобы к нам ходить любили
Из соседних деревень,

Вдоль дороги из колхоза
До соседней МТС
Посадили мы берёзы,
Молодой весёлый лес.

Дружно встали малолетки
У засохшей колеи,
Широко раскинув ветки,
Вдаль дорогу повели.

От Орловки до Бобровки,
До «Заветов Ильича»
Подросли они у бровки,
Сказки путникам шепча...

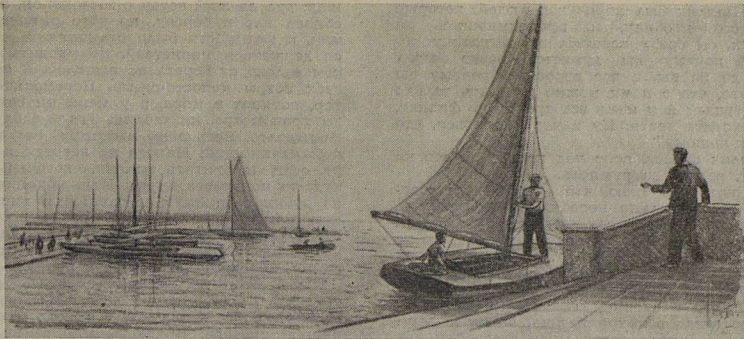
Нам народ спасибо скажет,
Под берёзками идя,
В жаркий день в тени приляжет,
В дождь спасётся от дождя.

Не заблудится в метели,
Коль поземка поднялась...
А теперь бы мы хотели
Попросить, ребята, вас,—

Пусть на будущее лето
Вдоль обочин всех дорог,
Принимая эстафету,
Ветки треплет ветерок.

От Дубровки до Сосновки,
До Московского Кремля
Пусть в зелёные обновки
Наряжается земля.

ЗАДАЧА

Рассказ А. Некрасова

Рис. Я. Титова

Мы подняли паруса, отдали швартовы, и когда яхта, едва набирая ход, двинулась вдоль бона, сверху, с берега, спустился незнакомый мужчина в тёмном костюме и попросил разрешения прокатиться с нами.

Посторонний всегда немного стесняет команду. А сухопутный пассажир на палубе маленького судна стесняет вдвойне: такие пассажиры обычно задают нелепые вопросы, мешают управлять сложным парусным хозяйством и в самых неподходящих случаях докучают неуместными советами.

Павлик, мой помощник, отлично знал это и с глубоким презрением относился к людям с берега. С явным неодобрением он посмотрел на пришельца и на меня, когда я жестом пригласил того занять место на яхте.

Что пассажир — человек сухопутный, в этом Павлик не сомневался, он догадался об этом по тому, как осторожно тот ступил на палубу и с каким недоверчивым любопытством он смотрел на сложные переплёты снастей, и, главное, по тому, как он спросил:

— Разрешите проехаться с вами на шлюпке?

Моряк сказал бы «пройтись» и уж, конечно, не назвал бы «шлюпкой» килевую яхту с гафельным вооружением!

Но дело было сделано. Пассажир плотно уселся на банке, открыл серебряный портсигар и закурил толстую папиросу.

— Хорошо! — сказал он неопределённо и осмотрелся кругом.

А кругом и в самом деле было хорошо. Огромное зеркало воды отражало всю глубину синего неба, белые паруса, ленивыми складками падавшие с мачты, зелёные берега, стройные переплёты моста, тяжёлые красные тумбы бакенов... И, может быть, потому, что вода в тот день была совершенно неподвижна и отражение в точности повторяло всё

видимое, простор, и без того широкий, казался вдвое шире, а чистый воздух — вдвое прозрачнее. Но у Павлика и на этот счёт было своё мнение. На его взгляд ничего особенно хорошего наш рейс не обещал. По тому, как лениво полз дым, едва обгоняя яхту, Павлик понял, что ветер не собирается нас порадовать, и за спиной пассажира скорчил недовольную гримасу.

Впрочем, мы и не ждали ветра. Не первый раз штилевали мы так и научились находить своеобразную прелесть в этих бесконечно медленных рейсах.

Работы в таком плаваньи немного, и Павлик, твёрдо усвоивший девиз Макарова «В море — значит дома», подложив под голову спасательный пояс, безмятежно дремал на палубе, лишь изредка прислушиваясь к гудку и прожоякая глазами поезд, бегущий по мосту, или буксир, тянувший откуда-то с Волги длинный воз тяжело гружённых барж. Иногда мы часами плавали так, не проронив ни слова. Каждый думал о своём, и нас ничуть не тяготило молчание.

Но пассажир оказался человеком вежливым и, видимо, счёл своим долгом развлечь нас разговором.

Осмотревшись ещё раз, он повернулся к Павлику и немного суховатым тоном, напугывая почву для беседы, сказал:

— Ну, а вы, молодой человек, все экзамены сдали, конечно, на пятёрки и теперь отдыхаете со спокойной совестью?

Вряд ли незнакомец хотел обидеть Павлика, и тем не менее худшее начало для разговора трудно было придумать.

Совесть у Павлика была далеко не спокойна. У него, как он сам говорил, были «концы за кормой», и каждое напоминание об этом заставляло его заново переживать весенние неприятности.

Но Павлик был не из тех людей, которые дают себя в обиду, и, приподнявшись на локтях, он сразу перешёл в контратаку.

— А почему вы думаете, — резко сказал он, — да не вы, а все взрослые, почему вы думаете, что с нами можно говорить только о пятёрках? А у меня вот тройка по физике, если хотите знать. Ну и что? Топиться, что ли, по-вашему?

Павлик бросил пояс под палабу и, сев на банку, взялся за румпель.

— Знаю, всё знаю, что вы будете говорить, — решительно перебил он незнакомца, открывшего было рот. — Общая культура... кругозор... а я, между прочим, в академии не собираюсь. Я в море пойду. А там отвалный гудок да вода кругом, вот и весь кругозор...

И Павлик широким, театральным жестом, точно свои владения, показал незнакомцу синюю гладь водохранилища, пышные берега, белые башни судоходных створов и высокие мачты электропередачи.

— Не беспокойтесь, — продолжал он, немного оствяв, — что мне нужно, я знаю. Вот вы почему всё про пятёрки? Что вам мои пятёрки? Спросили бы, как работают паруса, как судно идёт против ветра, как в море находят дорогу? Это ведь тоже для кругозора полезно... — и Павлик, выбрав втугую шкот, положил румпель на борт.

— Да, — сказал пассажир, немного озадаченный такой стремительной атакой, — это тоже, конечно, интересно. Но ведь как решить, что важнее? Вот поэтому нас и учат в школах, вот поэтому с нас и требуют знаний, чтобы, встретившись с жизнью, мы оказались во всеоружии. А что нужнее — география или ботаника, физика или история, — это подскажет жизнь. Учиться нужно на пятёрки. Ну, а говорить? Говорить можно и о другом. О тройках, например. Между прочим, я тоже плавал и немало. И вот однажды мне пришлось переоганять морской катер из Охотска в Николаевск на Амуре. Знаете, где это? Там тоже такая вот губа, как здесь, только раз в пятьсот больше...

Пассажир достал новую папиросу.

— Так вот, — сказал он, закурив, — имени у нашего катера не было, был номер — «3», и, как всегда в таких случаях, звали его «Тройка». Ничего интересного рейс на этой «Тройке» мне не обещал. В то время штурманский диплом уже не первый год лежал у меня в кармане, побывал я и в тропиках и в Арктике, но мне везло... или не везло, считайте, как хотите, но только ни разу со мной не случилось никаких происшествий.

Плавал я на больших кораблях, — продолжал пассажир. — Под руками всегда были мореходные приборы. Отличные карты сообщали мне всё, что нужно знать моряку о течениях, глубинах и берегах. Маяки всегда аккуратно появлялись там, где мы их ждали. Буи и вежи во-время предупреждали об опасностях... И в тот раз на катере была хорошая морская компас, надёжная карта, а за кормой крутилась вертушка лага. В каботажном плавании, как вы знаете, и желать больше нечего. Мотор работал исправно. Я время от времени отмечал своё место на карте и был совершенно спокоен, зная, что не сойбьёсь с пути. И погода стояла хоро-

шая: дул свежий ветер с востока; он, правда, сбивал нас к берегу, но зато разогнал туман, и видимость была отличная. Я старался держаться ближе мористее¹, но уходить слишком далеко от берега не решался. В тех местах ветры непостоянные. Переменится ветер, потянет в море, а у меня ни секстанта, ни хронометра, ни таблицы. Так и заблудиться недалеко. Весь день мы шли без всяких неожиданностей. Никого не встретили в море, если не считать тюленя, который плаыл куда-то наперез курсу. Наш механик взял из рубки старинную австрийскую винтовку, прицелился... она бахнула, как пушка. Выстрел раскатился по морю, откликнулся глухим эхом. Тюлень показал нам пятнистую спину, кубыркнулся в воде и пропал...

Когда стемнело, я сменился с вахты, спустился в каюту и скоро заснул под шум мотора. Ночью я проснулся с чувством неосознанной тревоги. В каюте было темно... Мотор молчал... По-новому стали слышны голоса, стук сапог по трапам, плеск волны за бортом. Должно быть, эти непривычные звуки и создали атмосферу тревоги. Я бросился наверх. Над морем стояла непроглядная темь. Звёзд не было. Ветер закрепчал, и солёные волны перехлёстывали через палабу. Наша маленькая динамомашинка остановилась вместе с мотором. Единственный электрический фонарик забрал механик. Он осмотрел повреждение и обещал через час исправить и запустить машину. Ничего особенно страшного не было в нашем положении. Час задержки — вот всё, чем угрожала нам неисправность мотора. Я успокоился. Мне оставалось терпеливо ждать. Но вот примерно через полчаса, справа, с запада, донёсся позорительный шум. Я прислушался: сквозь свист ветра ясно слышался рокот прибора. Значит, близко был берег. Для тех, кто плавал мало, с берегом связаны все надежды, а для моряка, вы понимаете, близость берега часто грозит гибелью... Дело принимало скверный оборот.

— Как там? — нетерпеливо крикнул я.

— Порядок, через полчаса пойдём, — откликнулся механик и загрелся ключами.

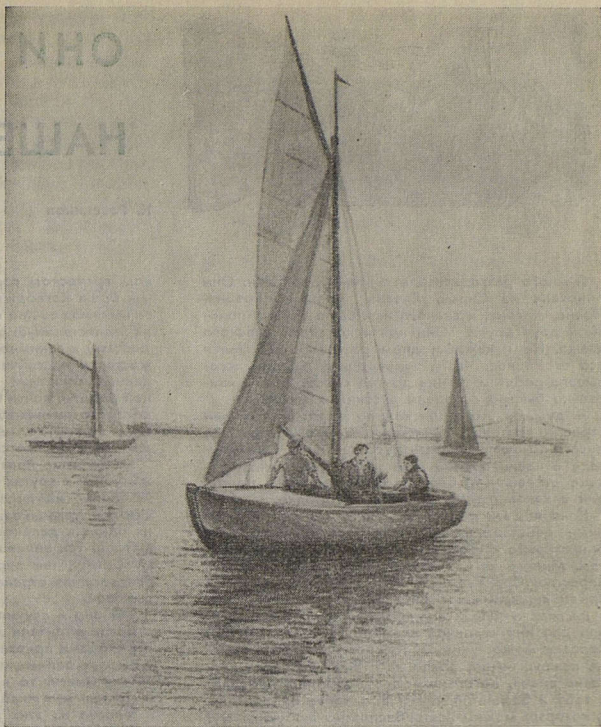
Я зашёл в рубку, чиркнул спичкой и внимательно посмотрел на карту. По моему прокладке выходило, что до берега четыре мили. Грунт скалистый. Берег приглубий, отвесный... Я быстро прикинул в уме: ветер гнал нас со скоростью двух или трёх миль в час. Через полчаса механик исправит мотор — и тогда нам не страшны никакие скалы. Значит, всё в порядке. Ну, а если произошла ошибка в счислении? Если я недооценил снос и до берега осталось меньше миль? Тогда мы бросим якорь. Но карта говорит, что «грунт скалистый».

Хорошо, если якорь зацепит лапами за трещину, за камень, за грядку... А если не зацепит? И ведь так скорее всего и случится... Воляного якоря у нас на «Тройке» нет. Значит, через полчаса наш катер расколется, как пустой орех, а нам придётся барахтаться в ледяной воде, пока волны и нас не разобьют о скалы. В такой шторм там, на скалах, гибнут даже дельфины. Есть, правда, выход: на корме у нас лежит маленький

¹ Мористее — дальше от берега.

ялик, на вёслах можно продержаться против ветра, а утром выбрать место потише и выкинуться на берег. Так есть надежда спасти людей... Что же, значит, командовать: «Шлюпку на воду» — пока не поздно?! Но ведь, может быть, это и слишком рано? А что, если хватит времени? Если механик может успеть исправить мотор, прежде чем «Тройку» навалит на скалы? Тогда разве не преступление — бросать дорогой катер на волю шторма и посылать людей на утлом ялике искать неверного счастья в бушующем море?! Что же делать? Как решить эту задачу? Вот тут-то и встал передо мной во весь свой грозный рост тяжёлый долг капитана: принять единственно верное решение. Я старался сохранить спокойствие. Уверю вас, это было нелегко. Слишком многое зависело от ответа на задачу. А чтобы решить её, мне нужно было прежде всего узнать, верно ли моё счисление. Не ошибся ли я в расчётах, отмечая своё место на карте? Если бы здесь, на берегу, стояли маяки, найти ответ было бы проще простого. Взять пеленги по компасу, замерить углы и построить на карте треугольник. Да и без компаса я мог бы узнать то, что было мне важнее всего, — расстояние до берега. Вы же знаете, есть таблицы, по которым нетрудно определить дальность видимости маяка, а высоты маяков показаны на картах. К сожалению, тут не было самого главного — маяка. Но я всё равно вглядывался в темноту и всё ждал, не откроется ли огонь на берегу. Но, конечно, огонь не появился. Ждать дольше было невозможно... Вот как обернулся этот рейс, такой благополучный поначалу!

Нужно было решаться. И вдруг, как-то само собой, пришло решение. Но воспользоваться им я не мог: я забыл скорость звука! Понимаете, забыл начисто. И вот тогда, среди тёмной ночи, в двух шагах от гибели, как говорится, я усилием воли заставил себя вспомнить класс, нашу физичку Ольгу Владимировну... И вдруг ясно встали передо мной чёрная классная доска и чётко выведенная мелом цифра «340»... Тогда я поша-

рил в рубке, нащупал в темноте винтовку и, оперев ложе на дверцу, выстрелил в темную ночь. Другой рукой в ту же секунду я нажал головку секундомера. Вы представляете, как я слушал? Мне казалось, что удары маятника заглушают свист ветра и шум прибора. Секунда, две, три, четыре... Наконец на фоне прибора донеслось до слуха чёткое эхо выстрела. Я остановил секундомер и бросился в машину к фонарику. Ну, и задача была решена: звук проходит 340 метров в секунду, а эхо вернулось через 9 секунд. Значит, до берега было немногим меньше мили. Времени на ремонт нам хватало с запасом...

Наш пассажир бросил за борт погасший окурок и достал новую папиросу. Он зажёл спичку, но неожиданно налетевший порыв ветра задул пламя. Паруса наполнились, и за бортом зазвенела вода.

Павлик молча пересел на боковую банку, а румпель и шкот передал пассажиру.

ОНИ МЕЧТАЛИ О НАШЕЙ СТРАНЕ

Н. Розенкоп

Рис. В. Цельмера

Я много разговаривала с этими ребятами. Они приехали из Сирии, Ливана, Франции, Греции, Ирана, Аравии, и сначала нам было трудно понимать друг друга. Они почти не знали русского языка. Но с каждым днём разговор становился всё свободнее. Часто переводчица лишь подсаживала ребятам то или другое слово. Они удивительно быстро овладели русским языком.

Я думаю, это происходило потому, что они страстно хотели научиться говорить по-русски, писать по-русски, читать русские книги. Они мечтали о нашей стране ещё тогда, когда жили далеко от неё — на берегах Евфрата, или в Каире, или в каком-нибудь греческом городке.

Конечно, эти ребята не знали, что однажды за ними действительно придут большие корабли и они открыто и свободно поплывут к нашим берегам. Многие из них намеревались бежать к нам, пересечь Средиземное море, прячась в трюмах среди ящиков и корзин с грузами.

Рассказ о нашей социалистической стране звучал для них чудесной сказкой. Неужели каждый человек может учиться? Каждому найдётся работа, каждый имеет право на отдых? Да разве есть такие врачи, которые, если ты заболел, приходят к тебе и бесплатно лечат? Есть такие библиотеки, в которых можно взять бесплатно любую книгу? Футбольные мячи, принадлежавшие не одному богатому мальчишке, а всем, кто хочет играть в футбол?

В полной мере эти ребята не могли представить себе, как хороша наша жизнь. Если бы вы видели, как широко открывали они глаза, входя впервые в школьный кабинет физики или поднимаясь по мраморной лестнице ереванского Дворца пионеров! Пионерский лагерь поразил их. Они не могли представить себе, что дети самых простых людей, не капиталистов, не купцов, а рабочих и служащих, могут жить всё лето в самых живописных курортных местах, купаться, гулять. Нет, этого наши маленькие друзья и представить себе не могли!

Все приехавшие ребята — армяне. Об Армении они слышали каждый вечер. Говорили о ней старики, которые когда-то жили в Армении, своими глазами видели снежный Арарат и помнили вкус ключевой ереванской воды. Говорили и молодые люди, никогда не бывавшие в Армении, они пели песни об Арташаке, чудесном зелёном уголке, и о соловье, который летит на родину. Но Армения уже давно перестала быть для них только родной предков: она была частью великого Советского Союза, и они думали не просто о родных полях, но о советской земле, о братском содружестве народов.

Нет ничего удивительного в том, что в малень-

ком греческом городке Драма армянский мальчик Вреж Катерджян учил русский язык. По ночам он вынимал со дна сундука «Мёртвые души» Гоголя (единственную русскую книгу, которую он смог достать) и занимался. Надо было иметь много мужества и настойчивости, чтобы вот так, как этот двенадцатилетний мальчик, после тяжёлой дневной работы, почти без всякой помощи, учить язык, которого он никогда не слышал. Это был настоящий подвиг, в нём сказались горячая любовь мальчика к Советскому Союзу.

Когда наше правительство разрешило армянам, живущим в других странах, вернуться в Советскую Армению, на первом пароходе приехали из Греции сто мальчиков. Родители решили отправить их одних в далёкое путешествие, за тысячи километров. Так велико было их доверие к Советскому Союзу, так верили они, что наша добрая и благородная страна примет этих ребят, как своих сыновей.

Так оно и случилось.

Когда родители этих мальчиков со следующими пароходами приехали в СССР, ребята уже учились в школах, занимались в кружках, ходили в походы, читали книги, то есть с первых же дней начали жить так, как живём мы с вами.

Многие из этих ребят прежде совсем не учились. Но есть и такие, которые ходили там в школы. Читая их письма и рассказы, мы как бы заглядываем в эти школы. Можно подумать, что это рассказ про одну и ту же школу, мрачную и унылую, как казарма.

МЫ БЫЛИ ЧУЖИМИ

Из записок Петроса Карагузяна

Я как сейчас помню тот день, когда мать, взяв меня за руку, привела в школу. Школа находилась на самой окраине

города в полуразвалившемся здании. Фасад был немного подновлён, но, когда мы вошли во двор, я увидел гнилые балки, нависшие над крыльцом, окна без стёкол, стены с отвалившейся штукатуркой. Лестница, по которой мы поднялись на второй этаж, была сделана из тонких досок без перил. Она качалась под ногами, и мне казалось, что мы сейчас упадём вниз. Классы отделялись друг от друга фанерными перегородками. В каждом классе было только одно окно, узкое и маленькое.

Как я позже узнал, в нашей школе помещалась и церковь: по воскресеньям фанерные перегородки убирались, и здесь собирались на молитву верующие.

В этой школе я учился несколько лет. Школа была армянская, но уроки велись на греческом языке. Только раз в неделю у нас было два часа родного языка.

Окончив шесть классов, я поступил в гимназию. Это было вскоре после окончания войны, когда в Греции были счастливые дни. Власть была в руках демократов, которые завоевали её в борьбе против немецких фашистов. Недолгое это было счастье! Вскоре, поддержанные американскими войсками, монархисты захватили власть в стране и установили жестокий, кровавый режим. В тот недолгий период свободы в Греции я и поступил в гимназию.

Мне было трудно учиться. И не потому, что я отставал в учёбе. Нет, учился я хорошо. Но всё время я чувствовал себя в гимназии чужим. Греческие фашисты травнили ребят на людей других национальностей, в частности на армян. Часть ребят, которая попала под влияние фашистов, всё время преследовала меня и моих товарищей. Никогда не забуду такого случая: я получил отличную отметку и, радостный, возвращался домой. Улицы были пустынные, как обычно в час отдыха. Вдруг дорогу мне преградили девять мальчиков. Они окружили меня, загнали в глухой переулок и сильно избили. Мои книги, тетради и рубашка превратились в лохмотья. Я еле добрался до дому.

Почему, за что они избили меня? Неужели из зависти к моей отличной отметке? Нет, только потому, что я был другой национальности. Мне очень хотелось учиться, поэтому я всё терпел. Но недолго продолжалось моё ученье: вскоре меня исключили...

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО УРОКА

*Продолжение рассказа о гимназии в городе
Драма, которое написал Петрос Ерамян*

Нас было трое: Вреж Катерджян, Петрос Карагузян и я. Мы учились вместе. Однажды, после третьего урока, меня вызвал к себе директор.

Я постучался в его кабинет и вошёл. Директор не обратил на меня внимания и продолжал разговаривать со своим помощником. Так я простоял около двери минут десять, если не больше. Вдруг директор спросил, словно только сейчас заметил меня:

— Зачем этот мальчик тут стоит?

— Вы меня звали, господин директор.

— Ах, да! Я совсем забыл. Мы тебя ищем. Тебя и всех других армян. В нашей гимназии будут учиться только греки. Я получил такой приказ. Собирайся и марш домой!

Я стоял, словно окаменев, и не двигался с места.

— Ну! — крикнул директор. — Долго я буду с тобой разговаривать?! Иди!

Я вышел из комнаты и, позабыв даже про книги, пошёл домой.

Когда я подошёл к нашему дому, то услышал за дверью весёлый смех. Это отец, придя с работы, играл с младшими ребятами. Мне жалко было нарушить их игру, и я решил постоять за дверью, пока не перестану плакать. Но я неожиданно всхлипнул.

Отец открыл дверь:

— Кто тут плачет? Петрос! Что с тобой?

Тут я не выдержал и разрыдался. Я всё рассказал отцу. Он старался меня утешить, говорил, что я ещё буду учиться, но мы оба знали, что это неправда.

Так оно и случилось. До самого приезда в наш любимый Советский Союз я нигде не учился. Такая же участь постигла и Петроса Карагузяна и Врежа Катерджяна. Сейчас мы все учимся, и это — большое счастье.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

*История, рассказанная Артемиз Асатрян,
приехавшей из города Бейрута*

Нашу школу содержало благотворительное армянское общество. Однажды произошёл такой случай: разорился один богатый купец, член этого общества, и перестал платить взносы. И вот из школы исключили нескольких учениц. Среди них оказалась и моя подруга Партамян. Родители за неё не могли платить: они были очень бедные. Когда она узнала, что теперь не будет учиться, то заплакала и весь день не показывалась никому на глаза. Даже я не могла её найти.

Но через несколько дней, когда мы встретились, она сказала, что будет сама заниматься.

— Ты мне поможешь? — спросила она. Я согласилась. Мы стали заниматься вместе. После школы я приходила к ней и приносила свои тетрадки. Сначала всё шло хорошо. Партамян — очень способная девочка, она всё понимала. Но потом стало труднее: учебников у нас не было, а я не могла объяснить всё так, как учительница. В это время Партамян поступила на работу в магазин. Она подметала пол, вытирала стёкла, — одним словом, была уборщицей. Теперь у неё совсем не было времени, и мы встречались только по воскресеньям. Она всегда спрашивала:

— А что вы проходите сейчас по арифметике?

Я ей рассказывала, но обе мы видели, что теперь она уже далеко отстала.

В нашей семье очень любили Партамян. И отец и мать часто жалели её и говорили, что если бы были деньги, они уплатили бы за неё в школу.

Однажды, когда мы сидели за обедом, старший брат сказал:

— На днях у нас будет серьёзный футбольный матч. Если мы его выиграем, то получим приз.

И действительно, через несколько дней команда, в которой состоял брат, победила. Он принёс домой деньги.

Мать сказала:

— Давайте уплатим за Партамян. Ведь мы не ожидали денег и как-нибудь проживём без них. Девочку очень жалко!

И отец и брат согласились с ней. Через несколько дней Партамян снова стала учиться.

Вот какой счастливый случай помог Партамян вернуться в школу.

ПАЛКА УЧИТЕЛЯ

Рассказ Каранета Испаряна

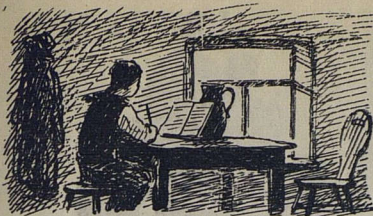
До приезда в Советский Союз я жил в Александрии, в Египте. Учителя в нашей школе приходили на урок с палками. Чаще всего нам доставалось от учителя армянского языка. Он бил нас так, что мы удивлялись, как у него палка не ломается. Но однажды она всё-таки сломалась. Вот как было дело.

Я писал диктант и нечаянно посадил кляксу. Я хотел стереть её, но резинки у меня не было, и я попросил её у мальчика, который сидел впереди. Он сначала сделал вид, что не слышит. Потом, очень медленно, достал резинку из пенала и протянул мне со словами:

— На, попрошайка, нищий!

Это был богатый мальчик, он всегда смеялся над тем, что я бедный. Я никогда ничего не просил у богатых ребят. А тут я так торопился стереть кляксу, что обо всём забыл.

Я с кулаками бросился на обидчика. Он закричал. Учитель подбежал к нам и стал бить меня с такой силой, что палка сломалась и конец её отлетел далеко к доске.

ЧЕМУ НАС УЧИЛИ

Рассказ Анжик Александян из Сирии

Когда мы приехали в Советский Союз и поступили в школу, то почти всем пришлось учиться классом ниже, чем учились за границей, потому что у советских ребят знаний значительно больше. У нас, например, совсем не преподавали физику, химию, естествознание, вместо них был один предмет: «наука». Мы проходили всё очень сокращённо, без практических занятий, в школах не было кабинетов, приборов для опытов. Мы всё учили по своим записям: учебники стоили дорого, их не все могли купить.

По математике у нас тоже была сокращённая программа. Например, в пятом классе у нас была только арифметика, геометрию и алгебру мы не учили, а всего в школе было только шесть классов. Ясно, что за один год ни алгебру, ни геометрию серьёзно изучить нельзя.

Такого предмета, как конституция, у нас совсем не было. По-моему, это сделано нарочно. Ведь в капиталистических странах правительству невыгодно привлекать народ к политической жизни. Изучение конституции в буржуазных странах заставило бы многих людей задуматься над тем, какой несправедливый закон в этих странах. Почему один богат, а другой беден? Почему одни владеют фабриками и заводами, а другие умирают с голоду? Все эти несправедливости узаконены в капиталистическом обществе.

Каждый день у нас начинался молитвой. нас учили быть покорными и не роптать, не сопротивляться. Нам часто рассказывали о том, что богатство даёт бог за хорошие дела. А рядом с нами жили богачи, которые никогда никаких добрых дел не совершали, они только разоряли других. Мы видели бедных тружеников, которые много хорошего сделали в своей жизни, но умирали в нищете.

На днях я посмотрела свою старую тетрадку по арифметике — и мне стало смешно. Все задачи одного содержания: один купец продал, другой купил. Какую выгоду получил один и какой убыток другой? нас всё время приучали к мысли о наживе, о богатстве: ведь в капиталистическом мире ценится только богатый человек.

Сейчас, когда мы приехали в СССР, на нашу дорогую Родину, мы попали совсем в другой мир. Только теперь, в советской школе, мы стали получать настоящие знания, и многое из того, чему нас раньше учили, кажется нам диким.

ГРИБ БОРОВИК

Е. Трутнева

Тёплый дождь ворвался в лес.
Долго топал по тропинке.
В частый ельничек пролез,
Пошумел в густой осинке
И запрыгал, как горох, —
Тёплый, светлый, крупный, редкий,
Сквозь деревья, через ветки
На сухой, зелёный мох.
Обошёл весь тёмный лес
И, как не был, вдруг исчез!

Солнце жаркими лучами
Зацепилось за сучки;
Разбросало под ветвями
Золотые пятячки,
И под каждым пятячком —
Бугорок с боровичком!
Подбоченясь горделиво,
С темной шапкой наверху,
Всем на радость и на диво
Боровик растет во мху!

«Ширин на охоте».

«У костра».

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ КОМСОМОЛА

Давно уже готовятся к встрече тридцатилетнего юбилея комсомола пионеры Великолукской области.

В селе Бежаницком ребята изучают историю комсомола. Они побывали в колхозе имени Красавченко — одного из первых комсомольцев района. Из материалов, которые они собрали в колхозе о Красавченко и его товарищах, ребята устроили выставку.

Сборы, посвящённые комсомольцам, героям Великой Отечественной войны, проводят пионеры средней школы села Локня. Один такой сбор они провели в лесу, недалеко от деревни Чернушки, где совершил свой подвиг Герой Советского Союза Александр Матросов. До сих пор здесь ещё видны полуразвалившиеся, заросшие травой дзоты и окопы. Ребята осмотрели и зарисовали эти исторические места. Потом они провели отрядный сбор с беседой о подвигах Александра Матросова, спели песню о нём и прочитали стихи. На прощанье они возложили на могилу героя венки из живых цветов.

Пионеры 1-й Торопецкой средней школы встречают юбилей хорошей подготовкой к учебному году. В библиотеке своей школы они переплетают книги, подклеивают карты, ремонтируют учебные пособия.

Подарки сельским ребятам готовят пионеры 5-й средней шко-

лы города Великие Луки. Они сделали 50 детекторных и 10 ламповых радиоприёмников. Лучший из них, четырёхламповый приёмник Сени Смирнова, попал на городскую выставку, организованную в честь юбилея комсомола.

* * *

В Казани в честь тридцатилетия комсомола состоялся городской праздник юных туристов. За Волгой собралась тысяча лучших путешественников. Ребята показали свою готовность к походам: уменье разводить костры, поль-

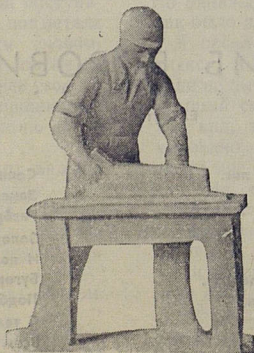
зоваться походным шестом, разбивать палатки. В этом году в Татарской республике насчитывается десять тысяч юных путешественников.

* * *

Особенно интересно готовятся к юбилею свердловские пионеры. В июне у них состоялся городской пионерский парад в честь тридцатилетия комсомола. Многие пионеры были участниками городского состязания авиамоделлистов. Делом чести каждой пионерской дружины Свердловска стала общественно-полезная работа. Ребята озеленяют улицы, на пришкольных участках выращивают рекордные урожаи овощей, посадили городской плодово-ягодный сад и назвали его именем Тридцатилетия комсомола. Каждая дружина изучает историю первых комсомольских организаций крупных заводов города, готовит всевозможные подарки, проводит встречи с первыми комсомольцами Свердловска.

* * *

В честь юбилея комсомола в Москве открывается Всесоюзная выставка детского творчества. Гипсовые скульптуры, которые вы здесь видите, прислали пионеры города Баку. «Ширин на охоте» прислал Гусейн Меликов, «У костра» — Раипа Червенакова. «Плотник» — Актай Ахмедов.

«Плотник».

ЛАГЕРЬ ВО ДВОРЕ

Ф. Павлова

Фотографии С. Преображенского

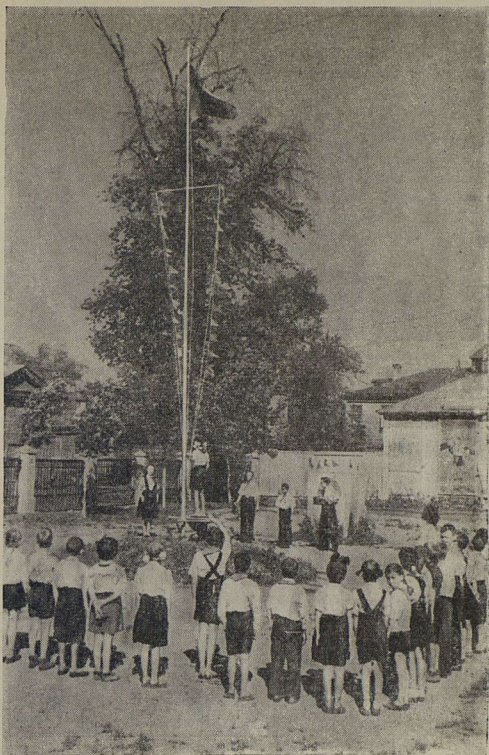
Утро во дворе дома № 4 по Кооперативной улице в Москве начинается с призыва пионерского горна. Из ближних домов выбегают ребята и строятся на зарядку. А через некоторое время новый сигнал созывает их на утреннюю линейку. Всё, как в лагере.

Да, здесь действительно лагерь. Его устроили для ребят, оставшихся на лето в городе, 54-я школа и 189-е домоуправление Фрунзенского района.

Сначала в лагере были пионеры только одного двора, но вскоре сюда стали приходиться и ребята со всех ближайших улиц. Так собралось около двухсот пионеров, которые всё лето живут в городе по лагерному режиму: все двести человек в одно время просыпаются, все в одно время кушают, гуляют, ложатся спать. И каникулы у них проходят так интересно, что об этом хочется рассказать другим ребятам.

Каждый из ребят здесь может заняться тем, что ему больше всего по душе. Малыши сразу же после линейки обычно бегут на окружённую пушистыми кленами площадку, где устроены качели и карусель. А некоторые из них тесным кольцом окружают кого-нибудь из старших девочек и просят почитать сказки.

Здесь вообще любят читать. В лагере есть библиотека. Ребята

Флаг поднят.

Так начинается утро в лагере.

Малыши сразу после линейки бегут на качели...

или, окружив кого-нибудь из старших девочек, усаживаются слушать сказки.

А здесь собрались любители бильярда.

часто собираются и читают вслух. Среди них есть любители и даже мастера художественного слова.

У тех, кто любит спорт, свои заботы. Две волейбольные команды готовятся к отрядным соревнованиям. Они играют на лагерной площадке.

А футболистам во дворе не хватает места. Они уходят тренироваться на стадион «Трудовых резервов» и, дождавшись, когда со стадиона все уйдёт, гоняют мяч по настоящему футбольному полю.

Шахматисты подыскивают местечко потише, чтобы им никто не мешал. Чаще всего они устраиваются в одном из маленьких фанерных домиков, построенных на территории лагеря. Но и здесь им не всегда удаётся спастись от «болезньиков».

Зато любители бильярда не ищут тишины. Их всегда окружают желающие сменить побеждённого игрока, и обычно игра бывает шумной и долгой.

Пионеры проводят в лагере интересные сборы. Один такой сбор-экскурсию они провели в Зоопарке, другой — в Музее Красной Армии. Надолго запомнился всем траурный сбор на Новодевичьем кладбище. Ребята устроили его в годовщину Великой Отечественной войны, 22 июня. У могилы Зои Космодемьянской после беседы о бессмертном подвиге героини-комсомолки пионерка Таня Лютик прочитала отрывок из поэмы Маргариты Алигер «Зоя». Потом ребята посетили могилы комиссара Чапаевского дивизии Фурманова, писателя-комсомольца Николая Островского, героев-лётчиков, погибших во время обороны Москвы в 1941 году. Ребята при-

несли на кладбище букеты живых цветов.

За лето ребята видели много спектаклей. И к ним во двор приезжал со своими постановками драматический кружок из городского Дома пионеров.

О самостоятельных концертах лагеря знают не только жители двора, но и соседних улиц. Их участниками и зрителями бывают и ребята и взрослые.

В лагере много цветов. Тут не только большой цветник, за которым ухаживают пионеры: на балконах почти каждого дома, в маленьких палисадничках, на окнах — всюду цветы. И это забота ребят. Не без гордости говорит о своих помощниках садовод, дядя Илюша, как называют его ребята. Они помогли ему вырастить в парниках восемь тысяч корешков цветочной рассады. Эту рассаду раздали по квартирам, устроили цветники во дворе. И когда ребята были приглашены на городской карнавал цветов, их колонна была украшена красивыми садовыми цветами.

Как и полагается в настоящем пионерском лагере, здесь есть штаб. Он помещается в походной палатке. Два дежурных пионера охраняют штаб, следят за порядком, выдают ребятам игры и свежие газеты. Дежурные могут дать любую справку о лагере.

В штабе собирается совет лагеря, обсуждаются предстоящие экскурсии в музеи и на выставки, прогулки в парки и за город. Здесь составляются маршруты туристских походов.

Скоро пионеры пойдут в последний летний поход и в лесу устроят костёр в честь закрытия своего замечательного лагеря.

Цветник — любимое место многих ребят.

Шахматисты готовятся к турниру.

В этой палатке помещается штаб лагеря.

Г А Д Ю К А

Рассказ Ю. Сотника

Рис. А. Лаптева

Мимо окна вагона прошлы одинокий фонарь. Поезд остановился. На платформе послышались торопливые голоса:

— Ну, садись скорей!.. Смотри, из окна не высовывайся.

— Не буду, бабушка.

— Как приедешь, обязательно телеграмму. Боря, слышишь? Мыслимое ли дело — такую пакость везти!

Поезд тронулся.

— До свиданья, бабушка!

— Маму целуй. Носовой платок я тебе в карман...

Старичок в панаме из сурового полотна негромко заметил:

— Так-с! Сейчас, значит, сюда пожалует Боря.

Дверь открылась, и Боря вошёл. Это был мальчишка лет двенадцати, крешкий, розовощёкий. Серая кепка сидела криво на его голове, чёрная курточка распахнулась, красный галстук под белым воротником рубахи съехал на сторону. В одной руке он нёс бельевую корзину, в другой — верёвочную «авоську» с банкой из зелёного стекла. Он двигался по вагону медленно, осторожно, держа «авоську» на почтительном расстоянии от себя и не спуская с неё маленьких, почти круглых глаз.

Вагон был полон. Кто-то из пассажиров забрался даже на верхние места. Дойдя до середины вагона, Боря остановился.

— Мы немного потеснимся, а молодой человек сядет с краешку, — сказал старичок в панаме.

— Спасибо! — невятно поблагодарил Боря в сед, предварительно засунув свой багаж под лавку.

Пассажиры исподтишка наблюдали за ним. Некоторое время он сидел смирно, держась руками за колени и глубоко дыша, потом вдруг сполз со своего места, выдвинул «авоську» и долго рассматривал свёзёз тёмнозелёное стекло содержимое банки. Потом негромко сказал «тут», убрал «авоську» и снова уселся.

Многие в вагоне спали. До появления Бори тишина нарушалась лишь постукиванием колёс да чьим-то размеренным храпом. Но теперь к этим монотонным, привычным, а потому незаметным звукам примешивался слабый непрерывный шорох, который явно исходил из-под лавки.

Старичок в панаме поставил ребром на коленях большой портфель и обратился к Боре:

— В Москву едем, молодой человек?

Боря кивнул.

— На даче были?

— В деревне. У бабушки.

— Так, так!.. В деревне. Это хорошо, — ста-

ричок немного помолчал.— Только тяжельно, должно быть, одному. Багаж-то у вас вон какой, не по росту.

— Корзина? Нет. Она лёгкая,— Боря нагнулся, зачем-то потрогал корзину и добавил вскользь: — В ней одни только земноводные.

— Как?

— Одни земноводные и пресмыкающиеся. Она лёгкая совсем.

На минуту воцарилось молчание. Потом плечистый рабочий с моржовыми усами медленно пробасил:

— Это как понимать: «земноводные и пресмыкающиеся»?

— Ну, лягушки, жабы, ящерицы, ужи...

— Бррр, какая мерзость!— сказала пассажирка в тёмном углу, у окна.

— И-нда! Занятно! И на какой же предмет вы их, так сказать...

— Террариум для школы делаем. Двое наших ребят самый террариум строят, а я ловлю.

— Чего делают? — переспросила со второй полки пожилая колхозница.

— Террариум,— пояснил старичок.— Это, знаете, ящик такой стеклянный, вроде аквариума. В нём и содержат всех этих...

— Погань-то эту?

— И-пу да. Не погань, а земноводных и пресмыкающихся, выражаясь научным языком,— старичок снова обратился к Боре: — И... и много, значит, у вас этих самых земноводных?

Боря поднял глаза и стал загибать пальцы на левой руке.

— Ужей — четыре штуки, жаб — две, ящериц — восемь и лягушек — одиннадцать.

— Ужас какой! — донеслось из тёмного угла.

Пожилая колхозница приподнялась на локте и посмотрела вниз на Бору:

— И всех в школу повезёшь?

— Не всех. Мы половину ужей и лягушек на тритонов сменяем в девчачьей школе.

— Ужток попадёт тебе от учителей.

Боря передёрнул плечами и снисходительно улыбнулся:

— Попадёт! Совсе не попадёт. Наоборот, даже спасибо скажут.

— Раз для учения, стало быть, не попадёт,— согласился усатый рабочий.

Разговор заинтересовал других пассажиров. Из соседнего отделения вышел белобрый вестушчатый лейтенант и остановился в проходе, положив локоть на вторую полку; подошли две девушки-колхозницы, громко щёлкавшие орехи. Подошёл высокий лысый гражданин в пенсне. Вскоре возле мальчика собралась небольшая толпа. Как видно, Боре полетело такое внимание. Он заговорил оживлённое, уже не дожидаясь распрощанья:

— Вы знаете, какую экономию мы школе приносим... один уж в зоомагазине рублей пятьдесят стоит, да ещё попробуй застан! А лягушки... Пусть хотя бы по пятачке штука, вот и пятьдесят пять рублей... А самый террариум!.. Если такой в магазине купить, рублей пятьсот обойдётся. А вы говорите, «попадёт».

Пассажиры смеялись, кивали головами:

— Молодцы!

— А что вы думаете! И в самом деле пользу приносят.

— И долго ты их ловил? — спросил лейтенант.

— Две недели целых. Утром позавтракаю—и сразу на охоту, приду домой, пообедаю—и опять ловить до самого вечера,— Боря снял кепку с головы и принялся обмахиваться ею, как веером.— С лягушками и жабами ещё ничего, и ящерицы часто попадаются, а вот с ужами!.. Я раз увидел одного, бросился к нему, а он — в пруд, я не удержался — и тоже в пруд. Думаете, не опасно?

— Опасно, конечно,— согласился лейтенант.

Почти весь вагон прислушивался теперь к разговору. Из всех отделений высовывались улыбающиеся лица.

— И-нда! — заметил старичок в панаме.— Общественно-полезное дело! В наше время, граждане, таких детей не было.

— И сейчас редкость: моему четырнадцать, за всё футбол голяет.

— Я бы ещё больше наловил, если бы не бабушка,— проговорил Боря.— Она их досмерти бонбает.

— Бедная твоя бабушка!

— Я и так ей про гадюку ничего не сказал.

— Про кого?

— Про гадюку. Я её четыре часа выслеживал. Она под камень ушла, а я её ждал. Потом она вылезла, я её защемила...

— Стало быть, и гадюку везёшь?— перебил усатый рабочий.

— Ну да! Она у меня в банке, отдельно,— Боря махнул рукой под скамью.

— Этого ещё недоставало! — простонала пассажирка в тёмном углу.

Слушатели несколько притихли. На лицах появилось не то, чтобы тревожное, а какое-то задумчивое выражение. Один лейтенант продолжал улыбаться.

— А может, это и не гадюка?—спросил он.

— Не гадюка!—возмутился Боря.— А что же тогда, по-вашему?

— Ещё один Уж.

— Думаете, я уже не могу отличить?

— А ну, покажи!

— Да бог с ней,— заговорили в толпе.— Ну её!

— Пусть, пусть покажет. Интересно.

— Ну что там интересного? Смотреть противно.

— А вы не смотрите.

Боря вытащил из-под лавки банку и опустился перед ней на корточки. Стоявшие в проходе расступились, сидевшие на скамьях приподнялись со своих мест и вытянули шеи, глядя на зелёную банку.

— Сорок лет прожил, а гадюку от ужа не сумею отличить,— сказал гражданин в песне.

— Вот! — наставительно отозвался старичок. — А будь у вас в гимназии террариум, тогда бы смогли.

— Уж возле головы пятнышки такие жёлтые имеет,— сказал Боря, заглядывая сбоку внутрь банки. — А у гадюки таких пятнышек...

Он вдруг умолк. Лицо его приняло сосредоточенное выражение.

— У гадюки... у гадюки таких пятнышек... — он опять не договорил и посмотрел на банку с другой стороны, потом заглянул под лавку, потом медленно обвёл глазами пол вокруг себя.

— Что, нету?—спросил кто-то в толпе.

Боря поднялся. Держась руками за колени, он всё ещё смотрел на банку.

— Я... я... совсем недавно её проверял... тут была...

Пассажиры безмолвствовали. Боря опять посмотрел под скамью:

— Тряпочка развязалась. Я её очень крепко завязал, а она... видите?..

Тряпочка никого не интересовала. Все опасно смотрели на пол и переступали с ноги на ногу.

— Чорт знает что! — процедил сквозь зубы гражданин в песне.— Выходит, что она здесь где-то ползает.

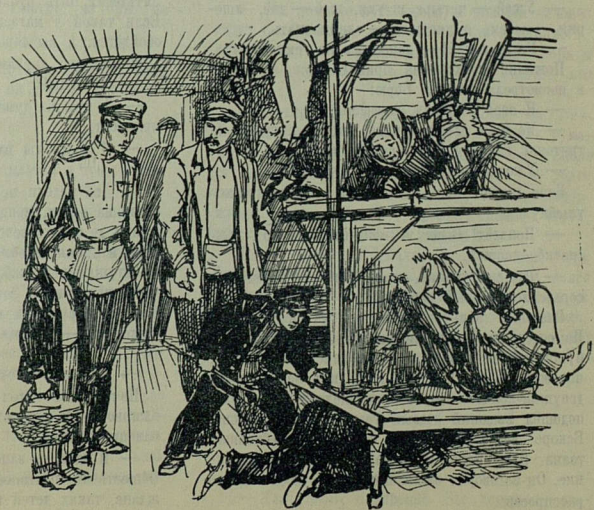
— И-нда!.. История!

— Ужалил ещё в такой тесноте.

Пожилая колхозница села на полке и уставилась на Бору:

— Что же ты со мной сделал? Мне сходить через три остановки, а у меня вещи под лавкой. Как я теперь за ними полезу?

Боря не ответил. Уши его окрасились в тёмно-красный цвет, на лице выступили капельки пота. Он то нагибался и заглядывал под скамью,

что стоял, опустив руки, машинально постукивая себя пальцами по бёдрам.

— Доигрались! Маленькие! — пропичала пассажирка в тёмном углу.

— Тётя Маша, а тетя Маша! — крикнула одна из девушек.

— Ну? — донеслось с конца вагона.

— Поаккуратней там. Гадюка под лавками ползает.

— Что-о?! Какая гадюка?

Через пять минут в вагоне стоял такой шум, что не было слышно стука колёс. Девушка-проводник вышла из служебного отделения, сонно поморгала глазами и вдруг широко раскрыла их.

Двое парней-ремесленников подсаживали на вторую полку аккуратную старушку:

— Давайте, давайте, бабуся, эвакуируйтесь!

На нижних скамьях, недавно переполненных, теперь было много свободных мест, зато с каждой третьей полки свешивалось по несколько пар женских ног. Пассажиры, оставшиеся внизу, сидели, поставив каблучки на противоположные скамьи. В проходе топталось несколько мужчин, освещая пол карманными фонарями и спичками.

Проводница пошла вдоль вагона, заглядывая в каждое купе:

— В чём дело? Что тут такое у вас?

Никто ей не ответил. Со всех сторон гудели десятки голосов:

— Миша, Миша, проснись, гадюка у нас.

— А?.. Какая станция!

— Прррртокол составить!.. Чтобы прродители знали, как распускать детей!..

Внезапно раздался истошный женский визг, мгновенно воцарилась тишина, и в этой тишине откуда-то сверху прозвучал ласковый украинский говорок:

— Та, не бойтесь. Це мий ремёшек на вас упал.

Боря так виновато помаргивал светлыми ресницами, что проводница усталилась на него и спросила:

— Ну!.. Чего ты здесь натворил?

— Тряпочка развязалась... Я её завязал тряпчочкой, а она...

— Интересно, какой это педагог заставляет учеников возить ядовитых змей, — сказал гражданин в пенсне. — Вы запишите номер школы этого ребёнка.

— Меня никто не заставлял... — пролепетал Боря. — Я... я... сам придумал, чтобы её привезти.

— Инициативу проявил, — усмехнулся лейтенант.

Проводница поняла всё.

— Сам! Сам?! — закричала она плачущим голосом. — Лезь вот теперь под лавку и лови!

Как хочешь, так и лови! Я за тебя, что ли, полезу? Лезь, говорю!

Боря опустился на четвереньки и полез под лавку. Проводница ухватилась за его ботинок и закричала громче прежнего:

— Ты что, слятил? Вылезай оттуда! Вылезай, тебе говорят!

Боря всхлинул под лавкой и слегка дёрнул ногой:

— Сам... сам упустил... сам и... найду.

— Довольно, друг, не дури, — сказал лейтенант, извлекая охотника из-под лавки.

Проводница постояла, повертела в растерянности голову и направилась к выходу:

— Пойду старшему доложу. Не работа, а мучение какое-то.

Она долго не возвращалась. Пассажиры устали волноваться. Голоса звучали реже, спокойнее. Лейтенант, двое ремесленников и ещё несколько человек продолжали искать гадюку, осторожно выдвигая из-под сидений чемоданы и мешки. Остальные изредка спрашивались о том, как идут у них дела, и беседовали о ядовитых змеях вообще.

— Что вы мне рассказываете о кобрах! Кобры на юге живут.

— ...Перевязать потуже руку, высосать кровь, потом прижечь калёным железом.

— Спасибо вам! «Калёным железом!»

Пожилая колхозница сетовала, ни к кому не обращаясь:

— Как я теперь за ними полезу!.. В сорок четвертом мою свяченицу такая укусила. Две недели в больнице маялась.

Старичок в панаме сидел уже на третьей полке.

— Дёшево отделалась ваша свяченица! Укус гадюки бывает смертелен, — хладнокровно отозвался он.

— Есть! Тут она! — вскрикнул вдруг один из ремесленников.

Казалось, сам вагон облегчённо вздохнул и веселее застучал колёсами.

— Ну, наконец-то!..

— Где «тут»?

— Бейте её скорей!

Присевшего на корточки ремесленника окружили человек десять; толкался, мешая друг другу, они заглядывали под боковое место, куда лейтенант светил карманным фонариком. Пассажирами овладелав охотничий азарт:

— Под лавкой, говорите?

— Ага! В самый угол залопзла.

— Сапогом её!

— Не достать.

— Ну, что вы стоите? Уйдёт!

— Не уйдёт. Чуть выползет — сапогом.

Появился старший и с ним девушка-проводник. Старший нагнулся и, не отрывая глаз от

тёмного угла под лавкой, помахал проводнице отведенной в сторону рукой:

— Кочерёжку!.. Кочерёжку!.. Кочерёжку неси!

Проводница ушла. Вагон прыгнул, как говорится, в ожидании развязки. Старичок в панаме, сидя на третьей полке, вынул из кармана часы:

— Через сорок минут — Москва. Незаметно время прошло. Благодаря... Гм... благодаря молодому человеку.

Кое-кто засмеялся. Все, собравшиеся вокруг ремесленника, посмотрели на Боря, словно только сейчас вспомнили о нём. Он стоял в сторонке, печальный, усталый, и медленно тёр друг о друга испачканные ладони.

— Что, друг, пропали твои труды? — сказал лейтенант. — Охотился, охотился, бабushку в козле допёк, а сейчас этот дядя возьмёт да ухлопает кочергой твоё наглядное пособие.

Боря поднял ладонь к самому носу и принялся скрести её указательным пальцем.

— Жалко? — спросил ремесленник.

— Думаете, нет? — прошептал Боря.

Снова посыпался смех, но на этот раз какой-то вялый, неуверенный.

— Похоже и правда, нехорошо выходит, — пробасил вдруг усатый рабочий; он спокойно сидел на своём месте и курил, заложив ногу за ногу, глядя на носок испачканного глиной сапога.

— Что нехорошо? — обернулся старший.

— Не для бабовства малый её везёт. Убивать-то вроде как и неудобно.

— А что с ней прикажете делать? — спросил гражданин в пенсне.

— Поймать, чего делать, — ответил ремесленник. — Поймать и отдать ему.

Вошла проводница с кочергой. Вид у неё был воинственный:

— Тут ещё? Не ушла? Посветите кто-нибудь.

Лейтенант взял у неё из рук кочергу.

— Товарищи, может, не будем, а? Помилуем гадюку?.. Посмотрите на мальчонку: ведь работал человек, трудился!

Озадаченные пассажиры молчали. Старший возрился на лейтенанта и густо покраснел:

— Вам смех, товарищ, а нашего брата могут привлечь, если с пассажиром что случится.

— А убёте гадюку, вас, панаша, за другое привлечут, — серьёзно сказал ремесленник.

— «Привлечут», — протянула проводница. — За что же такое «привлечут»?

— За порчу школьного имущества — вот за что.

Кругом дружно захохотали, потом заспорили. Одни говорили, что в школе всё равно не станут держать ядовитую змею, другие утверждали, что держат, но под особым надзором учителя биологии, третьи соглашались со вторыми, но считали опасным отдавать гадюку Боре: вдруг он снова выпустит её в трамвае или в метро!

— Не выпущу я! Вот честное пионерское, не выпущу! — сказал Боря, глядя на взрослых такими глазами, что пожилая колхозница умилилась.

— Да не выпустит он, — заявила она жадостливо. — Он теперь учёный! Ведь где-то сочувствие надо иметь: другие ребятники в каникулы бегают да режутся, а он со своими гадами две недели мытарился. Я вон старая, а и то понимаю.

— И-да! Так сказать, уважение к чужому труду, — ни с того, ни с сего произнёс старичок в панаме.

Гражданин в пенсне поднял голову:

— Вы там философствуете... А проводили бы ребёнка до дому с его змеей?

— Я? Гм!.. Собственно...

Лейтенант сильно махнул рукой:

— А, ладно!.. Я провожу. Где живёшь?

— На улице Чернышевского живу. Дом двадцать два.

— Провожу. Только ты смотри, цени у меня! Крюк из-за тебя делаю. И вот что: ты ловлей змей больше не занимайся: это — дело опасное. Да и не к чему: держать в школе живую гадюку, конечно, нельзя. Ну, а эту, раз уж поймал, отвезём. Пусть ваш учитель сам решает, что с ней делать: заспиритовать или отдать куда-нибудь.

— Ну как, охотники, убили? — спросил кто-то с другого конца вагона.

— Нет. Помилували, — ответил ремесленник.

Старший угрюмо обвёл глазами охотников.

— Дети малые! — он обернулся к проводнице: — Щипцы угольные есть? Неси!

— Мучение с ними! — прошептала, удаляясь, проводница.

Через десять минут гадюка лежала в банке, а банка, на этот раз очень солидно закрытая, стояла на коленях у лейтенанта. Рядом с лейтенантом сидел Боря, молчаливый и сияющий.

До самой Москвы пассажиры громко вспоминали свои ученические годы, и в вагоне было очень весело.

ПОСЛУШНЫЕ КЛУБНИ

Н. Раковская

Представьте себе огромную равнину, разлинованную бороздами картофеля. То тут, то там яркозелёными ковриками лежат поля ржи, овса и люпина. Посредине поля темнеет сосновый парк, из которого сквозь деревья просветивают каменные здания. Вправо, далеко в поле, на высоких столбах, как на ходулях, маячит белая метеорологическая будка. Где-то тарактит трактор, движутся вдоль борозд люди.

Так выглядит Научный институт картофельного хозяйства в Коренево, где последователи и ученики Мичурина под руководством профессора Александра Георгиевича Лорха ведут работу над улучшением и созданием новых сортов картофеля.

Имя мичуридца Лорха известно в нашей стране. Вы, наверно, слышали и о картофеле «лорх». Летом, выйдя на поле, легко отыскать эти светлозелёные кусты с широкой, раскидистой ботвой, с некрупными, розовато-лиловыми цветами. Картофель, выведенный А. Г. Лорхом и названный его именем, сажают у нас всюду.

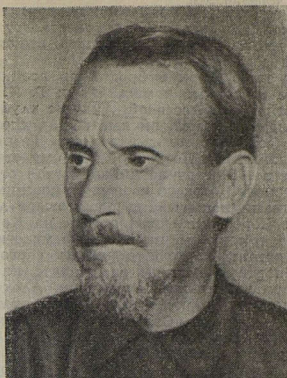
Лорх был занят на одном из опытных участков, и его молодая ассистентка Алла Прянишникова вызвалась проводить нас к нему. Однако, сделав несколько шагов, мы остановились возле небольшого открытого парника. Какие-то невзрачные кустики зеленели в нём. Оказалось, это дикий картофель. Одни «дикари» своими листьями напоминали помидоры, другие — молодую малину, третьи были в точности такие, как наш обыкновенный картофель. Клубеньки «дикарей» привезла в двадцатых годах из Южной Америки экспедиция советских учёных, отыскав их на отвесных горных склонах.

Нам, конечно, очень захотелось узнать, каковы клубни у диких родичей картофеля.

Оказалось, что клубеньки у них очень мелкие, а подземные стебли — столоны, на которых висят картофелины, — невероятно длинные, иногда достигают двух и даже трёх метров. Поэтому, чтобы не растерять урожай, растения приходится сажать не в грунт, а в горшки. Когда наша спутница осторожно вынула «дикаря» из горшка, мы увидели плотный клубок переплетённых столон и корней и крохотные, с лесной орех, редко с голубиное яйцо, клубни.

Наверно, таким был когда-то и наш картофель!

Мы двинулись дальше, но вскоре снова остановились около большого картофельного поля. Поле, разбитое на квадраты, походило скорей на цветник. На одних квадратах росли крупные, раскидистые кусты, на других — низенькие, совсем карлики. Тут были

Александр Георгиевич Лорх.

кусты с темнозелёными и совсем светлыми, синеватыми и даже бархатисто-чёрными листьями.

Наша спутница объяснила нам, что это коллекция сортов картофеля. Слово «коллекция» всегда вызывает представление о чём-то мёртвом, хранящемся под стеклом. Впервые видели мы такую живую, зелёную коллекцию. Здесь росло больше тысячи сортов картофеля.

Но перед нами была не только коллекция: эти картофельные поля были и лабораторией Лорха.

Однако, прежде чем рассказать, как создаёт здесь А. Г. Лорх новые сорта, вспомним, с чего пришлось начать учёному. Об этом мы узнали по дороге на опытный участок из рассказа Аллы Прянишниковой и других помощников Александра Георгиевича.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Около тридцати лет назад к глухой станции под Ярославлем подошёл поезд. С подножки вагона соскочил молодой человек с рюкзаком за плечами. Потом этого молодого человека видели на картофельных полях. Он подолгу рассматривал кусты и беседовал с местными жителями, расспрашивая их, хорошо ли родится здесь картофель и вкусен ли он. Обойдя ближайшие поля, он пешком отправился дальше.

Тем же летом молодого человека видели под Костромой и под Ростовом-Ярославским, на следующий год — на Урале и в Башкирии.

Молодой человек был Александр Георгиевич Лорх, работник селекционной станции при Тимирязевской академии. Он искал на полях вкусный, урожайный картофель.

Молодой учёный видел, что на полях растут рядом и вкусные клубни, пригодные для пищи, и грубые, невкусные, но крахмалистые. Одни клубни созревают раньше и

успевают сгнить, пока поспеют другие. И он понимал, что надо рассортировать эту смесь, отобрать из неё хорошие сорта, вывести новые и заменить ими негодные.

Для этого Лорх и бродил по всей стране вместе со своими помощниками Г. Я. Артоховым и Т. В. Ассеевой. Лучшие клубни, собранные на полях, он высаживал сперва на своём селекционном участке в Тимирязевской академии. Но вскоре там ему стало тесно, и в 1920 году возникает новая станция, в Коренево. Лорх со своими помощниками и учениками испытывает, размножает лучшие сорта. Через три-четыре года из Коренева в сёла, в совхозы, на опытные участки уже идут вагоны картофеля разных сортов. Вот этим картофелем надо засаживать поля!

Много лет прошло с тех пор. Александр Георгиевич Лорх за его работы присвоено звание лауреата Сталинской премии. Лучшие сорта из Коренева давно переселились на широкие колхозные поля. Сейчас каждый колхозник знает, что они дают самые высокие урожаи. В 1950 году, по постановлению партии и правительства, все наши поля будут засажены только сортовым картофелем.

РОЖДЕНИЕ СОРТА

Новый сорт прежде всего рождается в воображении селекционера.

И если вам удастся побывать в Коренево, вы сможете наблюдать внешне простой, а на самом деле самый сложный процесс рождения нового сорта.

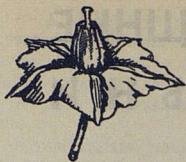
Подойдя к опытному участку, мы увидели высокого, худощавого, уже немолодого человека с открытым, простым лицом. Это и был Александр Георгиевич Лорх. Он охотно согласился показать нам своих питомцев.

На участке росло множество маленьких светозелёных кустиков. Они были так хрупки, так беспомощны, что в них не сразу можно было узнать картофельные кусты. Нам показалось, что мы попали в детскую. Так, впрочем, и было. На участке росли сеянцы — первое поколение нового сорта.

Но откуда взялись эти сеянцы?

Вот что рассказал нам об этом Александр Георгиевич:

— Все культурные сорта картофеля выве-

Цветок и ягода картофеля.

дены воспитанием, отбором и скрещиванием разных сортов.

Представьте себе, что селекционер хочет вывести картофель, который не страдал бы от ранних заморозков. Для этого ему нужно выбрать холодоустойчивые кусты картофеля. Вот ударили ранние заморозки. Почернела, пожухла ботва на делянках, где растут разные сорта картофеля. И только на одной делянке зеленеют кусты. Только один сорт не испугался заморозков. Однако клубни его мелкие и невкусны. Селекционер-мичуринец найдёт способ сделать их лучше. Меняя среду, изучая потребности растения, отбирая лучшие клубни, он постепенно улучшит такую картофелию. Он может также скрестить морозостойкий картофель с вкусным и крупным картофелем.

Для этого весной селекционер высадит клубни этих сортов, и, когда кусты картофеля зацветут, он искусно перенесёт пыльцу с одного куста на рыльце цветов другого. Если опыление проведено умело, на ветке станут наливаться зелёные ягоды. Осенью созревшие, полные жёлтых семян ягоды станут почти белыми. Эти ягоды и нужны селекционеру. Обычно картофель размножают клубнями. Но только из семян можно получить гибрид — помесь двух сортов. Семена гибридов селекционер высевает весной в теплицах. Из земли вылезают маленькие, хрупкие кустики-сеянцы. Через три недели сеянцы пересаживают в парники, ещё через месяц высаживают в грунт. Осенью сеянцы принесут клубни. Вот и готов сорт?

Нет, это — только начало трудной, длительной работы.

Мы приглядываемся к маленьким зелё-

Сорта картофеля: «лорх»,

«вольман».

ным растениям и видим, как непохожи дети друг на друга и на своих родителей. Среди растений, выросших из семян одной ягоди, едва ли можно найти два одинаковых. Вначале даже самый опытный селекционер не скажет вам, какой сеянец лучше. Обычно из тысячи сеянцев только один—два впоследствии пригодятся селекционеру и оправдают его надежды. Поэтому клубни каждого сеянца хранят отдельно и высаживают их на отдельных грядах. Потомство сеянцев внимательно изучают: узнают, вкусны ли и крахмалисты ли клубни, урожайны ли кусты, не боятся ли они болезней. И лучший сеянец, который отвечает всем этим требованиям, становится родоначальником нового сорта. Это самые податливые воспитанию, самые «пластичные» растения.

В Коренева родился когда-то и сорт «лорх». Он выведен от скрещивания неприхотливого, урожайного сорта «свитезь» и вкусного «смысловского». Но из всех сеянцев — гибридов этих двух сортов — только два оказались очень ценными. Один дал начало «корневскому» — сорту очень крахмалистого картофеля. Другой, урожайный, вкусный и теперь самый распространённый, получил название сорта «лорх». Знатные колхозницы Юткина, Худолее, Шорина, сажая этот картофель, сняли больше 1200 центнеров с гектара. Такой урожай не удавалось снимать нигде в мире.

Мы ещё раз обошли теплицу и парник с сеянцами и вернулись назад, туда, где зелена коллекция. Лорх показал нам сорта, которые он намечал для будущих скрещиваний. Среди них мы увидели и «дикарей». Неприхотливые «дикари» переносят холода и засуху лучше, чем наш культурный, измененный картофель, они реже болеют.

Надо эту выносливость и цепкость «дикарей» передать культурному картофелю. Но это трудно сделать: картофель, прожив долгие тысячелетия у человека, стал словно другим растением. Не всякий сорт можно скрестить с «дикарём». Иногда ягода не вызревает на опылённом кусте. Часто семена ягоды оказываются нежизнеспособными.

Но советские селекционеры сумели скрестить этих далёких родственников, и в Коренева уже растут гибриды дикого и культурного картофеля — холодостойчивые сорта и сорта, которые не боятся болезней.

В 1845 году в Ирландии на кустах картофеля появились какие-то бурные пятна. Пятна растекались, постепенно поражая листья и стебли. К осени рассыпчатые, крахмалистые клубни превратились в чёрно-бурую, несъедобную массу. Через два года в Ирландии уже невозможно было найти хоть одно поле здорового картофеля. Миллион ирландцев погиб в те времена от голодной смерти, два миллиона покинули страну.

Но кто же был виновником этого стихийного бедствия?

Картофельные поля губил мельчайший паразит — грибок фитофтора. Но фитофтора — не единственный и не самый страшный враг картофеля.

Одни микроскопические грибки, попадая на клубни, покрывают его кожуру липкими. Другие поражают ботву: листья, поражённые грибами, скручиваются и увядают. Есть грибок, вызывающий на картофеле болезнь, получившую название картофельного рака. Попадая внутрь клубня, грибок превращает картофелину в чёрный, сухой комочек, начинённый миллиардами спор. Картофельный рак может уничтожить весь урожай и на долгие годы заразить почву.

К компании вредителей-невидимок — грибов и бактерий — присоединились и насекомые. Из них самым опасным оказался колорадский жук, с виду похожий на божью коровку. Прожорливый жук опустошал в Северной Америке огромные поля. В 1922 году корабль завезли его и в Европу.

Можно ли предохранить картофель от всех этих паразитов?

Лорх рассказал нам, как агрономы опрыскивают кусты ядовитыми веществами, сжигают ботву, обеззараживают почву, вводят правильный севооборот на картофельных полях после сбора урожая сеют рожь, овёс, люпин и другие культуры.

Совсем по-особому борются с врагами картофеля селекционеры: они задумали лишить паразитов пищи, взять их измором, выращивая такой картофель, который не тронут ни грибки, ни бактерии.

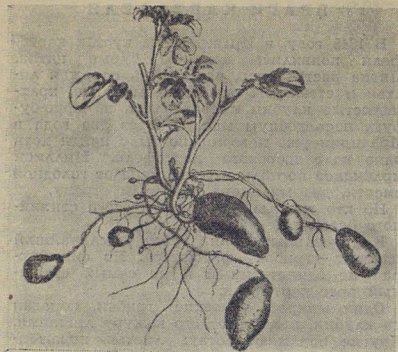
Неужели можно создать вкусный, урожайный картофель, от которого отвернётся колорадский жук? Оказывается, можно.

В Институте картофельного хозяйства создали несколько сортов, устойчивых против фитофторы и других паразитов. Хотя в нашей стране нет ни колорадского жука, ни возбудителя рака картофеля, наши селекционеры вывели несколько ракоустойчивых сортов, и среди них урожайный, крахмалистый сорт — 3398. Эти сорта высаживают сейчас в западных и юго-западных районах нашей страны, и они, как часовые, охраняют наши границы.

Непобедимым остаётся пока колорадский жук. Удастся ли справиться с ним? Этим занят сейчас Александр Георгиевич. Картофель входит в большое семейство паслёновых. Он родня помидору, баклажану, табаку, дурману, белене и другим паслёновым. Но колорадский жук не только прожорлив, но и неприхотлив: он с одинаковым аппетитом пожирает все эти растения. С чем же скре-

«ранняя роза».

Сеянец картофеля.

Куст картофеля «лорх».

стить картофель, чтобы вывести сорт, который пришёлся бы жуку не по вкусу?

В Коренево прислано много различных паслёновых. Лорх уверен, что найдёт среди них нужное ему для скрещивания растение и создаст сорт, от которого отвернётся и колорадский жук.

Так советский учёный задумал разрешить задачу, от которой отказались селекционеры тех стран, где колорадский жук продолжает хозяйничать.

ВОСПИТАНИЕ СОРТА

Уже скоро солнце коснётся леса, отсённого картофелем далеко к самому горизонту. Звонки извещают о конце работы. Но нельзя уехать из Коренева, не побывав ещё на одном поле, на поле агротехники.

Здесь работники Кореневакого института наблюдают жизнь картофеля с того дня, как ляжет бурый клубень в землю. Они узнают, как влияют жизненные условия на растение, как постепенно они меняют его свойства.

Ежедневно следят они за влажностью и температурой воздуха и почвы. Через каждые десять дней в разных местах поля вырывают по десять контрольных кустов. Кусты рассматривают, как живёт в нём в земле, в чём испытывают они нужду, в чём у них излишек.

Для правильного развития вначале, когда бурно растёт ботва, картофелю нужны азотистые удобрения. Но вот в земле на столонах уже повисли белые, желтые и розовые шарики — клубеньки. Они не превратятся в тяжёлые крахмалистые клубни, если в почве не будет достаточно калийных удобрений.

Картофелю нужны и фосфор, и сера, и даже железо: оно входит в состав хлорофилла.

Всю эту разнообразную пищу и влагу разные сорта потребляют по-разному. Сорта-

скороспелки любят дожди в конце июня и в июле и очень удобренную почву в тот период, когда растёт их ботва. Позднему сорту «вольтман», напротив, нужны дожди в июле, августе и сентябре. Он больше других сортов требует калийных удобрений к концу лета.

На поле агротехники Лорх каждому сорту даёт путёвку в жизнь. В путёвке сказано, сколько влаги нужно растению, на какой почве следует сажать новый сорт, когда вносить удобрения, чтобы получить самый высокий урожай, чтобы сорт продолжал улучшаться и совершенствоваться.

Александр Георгиевич в совершенстве понимает язык растений.

Если клубни на контрольных кустах растут медленно, Лорх знает, что нужно внести калийные удобрения. Вот на столонах появились уродливые картофелины, перетянутые посредине, все в шишках. Значит, растению нехватает влаги и пищи, поэтому клубни и остановились в росте.

Лорх установил, что лучшая температура для развития картофельного куста 17°, а при 29° клубни вообще перестают расти.

Впервые в истории сельского хозяйства Лорх заставил картофель поспевать по расписанию, точно к определённому сроку.

Лорх выдёрживает контрольный куст, на котором усеяла семя — двенадцать крупных белых круглых картофелин. Они весят больше двух килограммов.

Нам нелегко вспоминается горсточка клубеньков, повисших на тонких, перепутанных столонах «дикаря». Как изменился картофель в умелых руках человека!

Но переделка клубней не кончена. Ещё много прекрасных сортов подарят учёные-мичуринцы нашей Родине.

А. Бубнов.

НА ПРИВАЛЕ.

ПИОНЕРЫ НА КОЛХОЗНЫХ ПОЛЯХ

ПИОНЕРСКИЙ УРОЖАЙ

Далеко от Москвы, в Кемеровской области, среди широких пшеничных полей стоит небольшое село Шуринка. Председатель правления колхоза в Шуринке — знатный человек, Герой Социалистического Труда Василий Данилович Баклыков.

На весь Советский Союз прославился он богатым урожаем пшеницы, выращенным в прошлом году на участке в десять гектаров.

Шуринские колхозники назвали этот участок пионерским. Василий Данилович до прошлого года был учителем в Шуринской школе и свой богатый урожай вырастил вместе со своими учениками.

Василий Данилович рассказывал ребятам о достижениях сельскохозяйственной науки и учил применять эти достижения на практике. Год за годом выше становились урожаи на маленьком пришкольном участке, а вместе с урожаями росла у школьников вера в силу науки, в то, что знания приносят победу в трудной борьбе за урожай.

В прошлом году учитель посоветовался со своими учениками и попросил, чтобы ему с ребятами выделили участок колхозного поля. Колхозники согласились: ребята уже хорошо зарекомендовали себя на школьном участке. Решили дать школьникам целых десять гектаров земли.

И началась работа. Учитель сам помогал трактористам и следил, чтобы всапка была глубокая, такая, как требует агрономическая наука. Засеяли поле отборным зерном, заготовленным задолго до весны. В землю внесли удобрения — золу и птичий помёт, — собранные зимой ребятами. Сбор удобрений продолжался и после посева.

...Пшеница взошла дружно. Поле пророборнили лёгкой деревянной бороной, подкормили аммиачной селитрой и золой, три раза пропололи.

Ребята сделали караульную вышку, повсюду на участке поставили столбы с перекладинами

для хищных птиц, уничтожающих полевых грызунов. Ребята объявили непримиримую войну грызунам. Больше трёх тысяч сусликов уничтожили они за лето.

Пришло время уборки. Нехватало комбайнов. Обидно было передержать на поле неубранную пшеницу. Тогда Баклыков поехал в МТС, нашёл там старый, разбитый комбайн «коммунар» и вместе с механиком за десять дней восстановил машину.

И вот, убранный флагами, комбайн торжественно въехал на пионерский участок. Золотым водопадом побежала в бункер спелая пшеница. Когда взвесили урожай, оказалось 36,18 центнера на гектар! Такого урожая ещё никто не получал на этой земле!

За это и наградило правительство Василия Даниловича Баклыкова высоким званием Героя Социалистического Труда. Не остались без награды и его лучшие помощники: Тоня Цибенко, Коля Будряевцев, Зина Проходцева и даже первоклассник Володя Колбаскин награждены медалью «За трудовую доблесть». Все ребята за свой труд получили по 12,6 килограмма пшеницы на трудодень.

Василий Данилович Баклыков стал председателем колхоза. Но ребята-баклыковцы не сложили оружия в борьбе за высокий урожай. На место Баклыкова в школу пришла молодая учительница Нина Алексеевна Каткова. Она рассчитывает вырастить высокий пионерский урожай на двадцати гектарах колхозного поля.

Ребята уверены, что в этом году сдадут зерна ещё больше, чем в прошлом.

ОБОШЛИСЬ БЕЗ «СТОРОЖЕЙ»

В прошлом году на поле было 532 «сторожа». Конечно, это много! Чем больше «сторожей», тем хуже урожай! Как же от них избавиться?

С таким вопросом Герой Социалистического Труда Михаил Петрович Матюшенко обратился к агроному. Матюшенко — звеньевой колхоза «Красная звезда», Ленинградской области, — выращивает высокие урожаи и следит, чтобы не пропало ни зёрнышка. А тут «сторожа»!

Впрочем, вы, может быть, не знаете, о чём идёт речь? «Сторожем» колхозники называют пустой колос. Когда начинает созревать урожай и колосья склоняются под тяжестью зерна, сразу обнаруживаются пустышки: лёгкие колосья торчат во весь рост, будто и в самом деле караулят поле. Кроме совсем пустых колосов на каждом поле есть ещё много колосов, у которых не все зёрна наливаются и созревают.

Агроном объяснил: пустые и неюльщенные колосья возникают от недостаточного опыления растений. Надо помочь природе. И агроном научил звеньевых, как поступить.

Если выйти в ясный, безветренный день в поле, когда цветёт рожь или пшеница, то можно увидеть над растениями как бы лёгкое облако. Это пыльца. Вот в такой день, когда происходит опыление, надо потрясти колосья, но, разумеется, так, чтобы не повредить их. Для этого надо взяться вдвоём за концы тонкой верёвочки и пройти по полю, осторожно ударяя этой верёвочкой по колосьям.

Михаил Петрович Матюшенко решил проделать этот опыт. Ему помогли школьники старших классов.

Когда хлеб начал созревать, все увидели: «сторожей» на поле почти нет, а когда убрали и взвесили зерно, оказалось, что урожай с каждого гектара, где было проведено искусственное опыление, на два—три центнера выше обычного.

ПАЧЕЛМСКИЕ ЮННАТЫ-ОПЫТНИКИ

Чего только нет на школьном участке 87-й железнодорожной школы в Пачелме! Вот золотистое просо с необыкновенно большими, тяжёлыми кистями сгибается к земле. Это ребята провели опытный гнездовой посев. И опыт удался: уро-

жай здесь будет много богаче, чем на контрольном участке. Рядом на грядке усатые, некрасивые на вид колосья. Это пшенично-пырейный гибрид, не боящийся ни морозов, ни засухи. Дальше патиссоны. Для Пачелмы это совершенно новая культура, и ребята с интересом наблюдают, как наливаются невиданные, причудливой формы плоды.

А вот огромные помидоры. Когда они зацвели, их цветки опрыскали ростовым веществом, препаратом «ДУ». И теперь бессеменные, полновесные плоды краснеют на юннатском участке, удивляя пачелмских огородников. На каждой грядке на колышке прибит шток-этикетка с названием вида и сорта посаженных растений. Но почему же на одной грядке вместо названия на этикетках нарисован большой вопросительный знак? Никто не знает, какое растение высажено на этой грядке. Тут, оказывается, целая история: весной один мальчик застрелил горлянку. В зобу у неё юннаты нашли какие-то неизвестные маслянистые семена. Ребята решили узнать, что клевала горлянка, но семена определить не удалось. Тогда засеяли грядку и вот теперь ждут: подрастут всходы — можно будет разгадать загадку горлянки и заменить вопросительный знак на грядке пока ещё не известным названием.

Много интересных растений посадили ребята на своём участке, но, пожалуй, самое интересное — топинамбур, земляная груша, которой ребята отвели самое неудобное место на своём участке.

Издали кажется, что там, на грядках щебня, гравия и мусора, растут сорняки. Но подойдёшь поближе и видишь: сотни мощных прямых стеблей с серебристыми мохнатыми листьями жадно тянутся к солнцу.

А в земле, упрямо расталкивая неудобную почву, протянув во все стороны тончайшие усики корней, наливаются сладкие, сочные клубни. Топинамбур неприхотлив: он растёт на любой почве, не боится засухи и быстро вытесняет все другие растения.

Это растение ребята разводят у себя на участке, чтобы высадить потом на склонах оврагов. Польза получится тройная: укреплённые овраги не будут больше «съедать» полезную землю, сочные клубни пойдут на пищу людям, а толстые стебли дадут отличный силос для корма скота.

ДЛЯ ВСЕГО РАЙОНА

С. Юрьев

Насть в Московской области Шатурский район. В какую бы школу этого района вы ни заглянули, — всюду увидите небольшой, недавно посаженный фруктовый сад, заметите, что многие посёлки, в которых раньше совсем не было зелени, теперь украшены кустами черёмухи и сирени, цветами и молодыми деревьями. И всюду вам бросится в глаза одно обстоятельство: во всех пришкольных садах обязательно найдёте кусты смородины.

— И у вас смородина! Откуда вы её достали? — спросите вы учеников, преподажим, долгушинской средней школы.

Вам ответят:

— Нам её прислала Новосидоровка.

Попадёте вы в посёлок Шатур-торф и спросите у тамошних ребят, откуда они получили смородину. В ответ услышите всё то же:

— Новосидоровцы помогли.

А в иных посёлках вам ещё сообщат, что не только смородина, но и растущие здесь малина, земляника, сирень тоже приехали сюда из Новосидорова.

«Там, наверное, какой-нибудь питомник, в этом Новосидорове», — подумаете вы. И не ошибётесь. Там действительно есть питомник садовых растений, и организовали его сами ребята, ученики новосидоровской неполной средней школы.

Недавно я побывал в этой школе. Первое, что я увидел, — это фруктовый сад, охватывающий школу полукольцом. Тут было несколько десятков яблонь, на ветках которых висели плоды. Довольно большой участок сада был занят кустами смородины. Были тут и грядки с земляникой и малина. Всюду над деревьями торчали высокие шесты со скворечниками. Скворцы деловито носились над садом.

Я пришёл в школу ранним утром. Это

было во время каникул, и я был уверен, что не застану в школе ребят. Однако я ошибся. Несколько девочек и мальчиков уже возились в саду, пропалывая грядки, рассматривая какие-то чуть заметные росточки, пробивающиеся из земли. Это были самые активные юннаты — Валя Кузнецова, Нюра Мычкова, Лера Логинова, Клара Ломтева, известный в школе специалист по скворечникам Глеб Крылов и председатель совета дружины Дуся Салтыкова. Тут же оказался и директор школы Марк Демьянович Тростянский, руководитель юннатского кружка. Директор и юннаты усадили меня на траве под яблоней и принялись рассказывать о своих делах.

Этот сад посажен учениками давно, в 1940 году. Ребят, которые его сажали вместе с Марком Демьяновичем, уже нет

Валя Евстигнеева, Лера Логинова и Глеб Крылов рассматривают росточки винограда

в школе, но за садом ухаживают нынешние школьники. Каждую весну сад наполняет деревню ароматом цветущих яблонь, а осенью приносит урожай. Может быть, поэтому призыв пионеров чоботовской школы разводить сады вызвал у новосиловских школьников особенный энтузиазм. На общешкольном собрании они предложили много новых, интересных дел. После долгих и горячих обсуждений выступил Марк Демьянович.

— Всё, что вы здесь говорили, — всё это очень хорошо, — сказал он. — Но давайте подумаем не только о себе. Все школы нашей страны займутся теперь садоводством, представляете, какое огромное количество посадочного материала потребуется этой весной. Тут, пожалуй, всем питомникам страны придётся туговато. У нас есть сад. Давайте поможем другим школам района: организуем питомник и вырастим посадочный материал для их садов.

Предложение Марка Демьяновича было принято единогласно.

Решили начать со смородины. В саду её росло около сотни кустов. Нужно было, чтобы эта сотня кустов превратилась в тысячу.

Был конец зимы, самая пора приниматься за дело. Через несколько дней человек тридцать ребят во главе с лучшей юннаткой школы Лидой Кириллиной вышли в сад.

— Вперёд! — командовала Лида и, сойдя с дорожки, стала пробираться через

сугробы к наполовину заметённым снегом кустам смородины; за ней с весёлым гомоном пустились остальные.

Закипела работа. Одни срезали с каждого куста часть веток, другие собирали их в охапки и отгаскивали в погреб. Первый этап работы был выполнен.

Снег ещё не стаял, и в саду делать было нечего. Зато много было работы дома. Мальчики делали скворечники. К весне около трёхсот домиков для пернатых истребителей врагов сада было размещено в школьном саду и по всей деревне. Оборона сада была в этом году налажена особенно крепко.

Как только потеплело, ребята вскопали в саду землю, хорошо удобрили её навозом. После этого сделали две больших гряды. Так они начали посадку смородины. Лера Логинова и Нюра Иванова натягивали из конца в конец грядки шнуры, чтобы линия посадки черенков была совершенно ровной. Вдоль этих шнуров шли Витя Федулов и его помощники. Они делали колышками лунки в земле, а другие ребята сажали в эти лунки короткие, сантиметров в 25—30, черенки, которые были заранее нарезаны из хранившихся в погребе веток, и нарезаны так, чтобы на каждом черенке было два глазка.

Привьются черенки, вырастут ли из них кусты смородины или они так и останутся невзрачными прутиками, какими они торчали зимой из-под снега? В эти тревожные дни в классах перед началом уроков велись разговоры, несколько странные для непосвящённого слушателя.

— Набухают. Девятьсот двадцать семь штук набухают. Слышите? — гудело в классах вскоре после посадки.

— Листочки появились!.. Ой, честное слово, девочки, листочки появились, вот такие, маленькие - маленькие! — шелестело в классах несколько дней спустя.

Девятьсот черенков из тысячи благополучно приняли.

Весну и лето не прекращали работу наши садоводы: ухаживали за смородиной, ябло-

Это питомник смородины. Клава Ломтева и Валя Кузнецова пропалывают его.

нями и сиреню, выращивали землянику и малину.

И вот в школу началось настоящее паломничество. Пришли посланцы из петровской школы-семилетки.

— Здравствуйте, Марк Демьянович! Говорят, вы смородиной богаты? Не уступите немного?

Марк Демьянович усмехнулся:

— Смородина у нас для того и посажена, чтобы её уступать. Лида, отпусти товарищам смородины, сколько могут унести.

Лида кликнула помощников — Глеба Крылова и Леру Логинову — и, вооружив их лопатами, отправилась в сад.

— Земляники не нужно? Может быть, малины хотите? — предлагали по дороге юннаты гостям.

Через несколько дней прибыла подвода из бакшеевской школы. Лошадка выглядела утомлённой: ей пришлось оттопать двадцать километров.

— Марк Демьянович, мы к вам за смородиной!

— Лида! Позовите Лиду!..

А ещё через несколько дней пришли подвода из керовской средней школы и трактор с прицепом из керовского поселкового совета. Юннаты быстро нагрузили их кустами смородины, земляникой и сиреню.

Во все концы огромного района ехали кусты смородины, выращенные новосидоровскими ребятами, ехали земляника и малина из питомника юных садоводов.

Ребята рассказали мне, как Лида Кириллина ездila весной этого года во Владимир делегатом на слёт юных садоводов, где было объявлено, что Новосидоровская неполная средняя школа удостоена второй премии на Всесоюзном конкурсе юных садоводов. Они целый день водили меня по своему саду, и я узнал о множестве новых интересных дел.

Новосидоровские юннаты снова посадили восемьсот черенков чёрной и красной смородины, малину, землянику и кроме того занялись выращиванием сеянцев яблонь. Никогда в этих ме-

Часто Марк Демьянович занятия по ботанике проводит в саду. Здесь вы видите, как он объясняет ребятам развитие плода яблони.

стах не пробовали выращивать виноград. Новосидоровцы решили стать новаторами в этом. И маленькие росточки, которые с таким благоговением рассматривали юннаты в своём саду, оказались не чем иным, как виноградом. На грядах опытного участка ведётся такие эксперименты, за которые юннатам, возможно, скажут большое спасибо колхозники всего района. Вот грядка картофеля. На ней растёт картошка нескольких сортов. Какой сорт даст больший урожай на торфяной земле Шатурского района, — вот что должны выяснить здесь ребята.

Подлинные мичуринцы всегда экспериментируют, всегда стремятся к новому. Никогда в Шатурском районе не сеяли голозёрного ячменя. Теперь он растёт на одной из грядок опытного участка. Не сеяли здесь и яровой пшеницы. Юннаты посеяли. Собранный с этого участка урожай снова посеют в будущем году. Эти опыты делаются по заданию колхоза.

Днём в сад прибежали маленькие девочки, лет десяти — одиннадцати.

— Это тоже наш «питомник!» — сказала Лера Логинова. — Мы готовим новых юннатов, чтобы у нас была хорошая смена, когда мы кончим школу.

И вместе с Нюрой Мычковой Лера стала показывать девочкам, как нужно полоть грядки.

ПИОНЕРСКИЙ МУЗЕЙ

Ф. В. Чебышева, Б. И. Леонтьев

ВОЗВРАЩАЯСЬ В ШКОЛУ

Протяжный гудок паровоза ворвался в весёлую песню. Где-то крикнули «ура», оно эхом пронеслось по вагонам, и поезд медленно отошёл от станции. Прощай, наш милый, весёлый лагерь!

Возбуждённые и радостные, полные всевозможных впечатлений, ребята возвращаются домой. И каждый везёт с собой не только воспоминания: у каждого где-то в уголке чемодана лежит заветная вещь, самая интересная и дорогая, на память о лагере...

Поезд поёт свою обычную песню, спокойную и ровную. Ребята затихают и начинают заниматься своим «хозяйством». Один рассматривает прощальный лагерный подарок, другой заботливо подкармливает мышку-полёвку, которая сидит у него в баночке, третий показывает ребятам свои рисунки. На ладони у одной из девочек живая ящерица. Девочка спокойно и осторожно поит её прямо с пальца и рассказывает, как она раньше боялась и не любила ящериц. Мальчики рассматривают свои «военные трофеи»: добытые ими таблички с разбитых немецких танков и пушек, осколки снарядов, карты своих походов по следам Великой Отечественной войны. А сколько планеров, моделей танков и кораблей, самодельных кукол и разных игрушек везут с собой ребята! И каждый может рассказать о замечательных приключениях, о лагерных событиях, о рыбной ловле, о работе в колхозе, о походах и о многом, многом другом...

Кончились каникулы. Рассказаны все летние истории, показаны товарищам трофеи. Время идёт, и, как ни жаль, тускнеют и забываются летние впечатления. А так хочется их сохранить, и не только для себя, но и для друзей! Каждый из вас был летом только в одном месте, но каж-

Это уголок музея 2-й начальной школы города Кирова. Девочки размещают экспонаты, собранные во время экскурсий.

дый узнал много интересного, что хотелось бы передать другим. Как же сделать, чтобы то, что вы узнали, стало достоянием всех, сохранилось как можно дольше?

Оказывается, сделать это легко. Принесите все свои лагерные находки, самodelки и дневники в школу, в пионерский отряд. Так у вас соберётся целый музей. Тут будут замечательные гербарии растений, коллекции минералов, исторические находки, фотографии и рисунки тех мест, где вы побывали.

ОТДЕЛЫ ВАШЕГО МУЗЕЯ

Но, чтобы это было действительно музеем, распределите всё по отделам. Для начала их может

Медаль в честь тысячелетия русского государства, металлический стаканчик, завезённый в Москву кем-то из наполеоновских солдат; французское ядро нашли и поместили в свой музей ученики Рублёвской школы (Московская область). Эмалированная кружка с датой коронации Николая II находится в том же музее. Она напоминает о страшном событии: о гибели множества людей на Ходыньском поле в дни коронации последнего царя.

быть несколько. Вот, например, чучела животных, коллекции и гербарии, образцы горных пород, записи наблюдений над животными и растениями, наблюдения за погодой, дневники походов в природу, карты природы— всё это должно войти в «Отдел природоведения».

Второй отдел — «История вокруг нас». Путешествуя по историческим местам своего района, вы делаете зарисовки, фотографируете, ведёте дневники и, конечно, увозите с собой на память или открытку с местным видом, или макет исторической стены, или старинную монету. Многие ребята составляют карты исторических мест, карты походов по следам Великой Отечественной войны и т. д.

Всем вам интересно узнать о наших гигантских стройках, новых плотинах, каналах, гидростанциях. Всё это замечательные страницы из великой книги по истории борьбы за коммунизм, за прекрасное будущее нашей Родины. И, конечно, они должны занять самое большое место в вашем музее. Поместите в музей материалы о ближайшем к лагерю колхозе, фабрике, целом районе. С них вы должны начать отдел «Пятилетка нашего района» и всё время пополнять его свежим материалом. Обязательно сделайте карту своего района. На ней обозначьте исторические памятники, места важнейших событий и современные достопримечательности. Эта карта будет ещё интереснее, если вы вместо условных знаков поместите на ней иллюстрации — рисунок домика писателя или художника, фотографии плотины, электростанции, разбитого немецкого танка и т. д. Наиболее важные темы можно разместить на отдельных щитах, сделав к ним пояснения, как это сделали пионеры, о которых было написано в № 5 нашего журнала. Детали разбитого немецкого вооружения они укрепили на доске и написали: «Сделано в Берлине, разбито под Москвой».

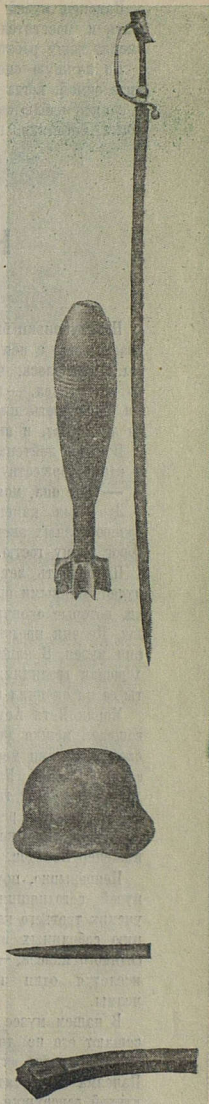
В Кировской области можно и сейчас ещё встретить старинные народные костюмы. Модели таких костюмов ребята сделали для своего музея.

И ещё один раздел нужен вам. Назовите его «Своими руками». В нём будет то, что вы сделали в лагере: картонажные изделия, макеты, столярные и слесарные работы, вышивальниче и выжигание по дереву, самодельные игрушки, вышивки, лепка и многое другое. Здесь должны быть и самые простые и самые сложные работы. Рассматривая их, вы узнаете, чему можно научиться друг у друга, чем заняться в свободное время.

ДЕЛАЙТЕ ВСЕ ПРОЧНО И КРАСИВО

Оформляя материал, не забывайте, что всё нужно делать аккуратно, прочно и красиво. Конечно, все засушенные растения нужно прикрепить на одинаковые листы плотной бумаги. Для коллекции насекомых сделайте картонные коробки с застеклёнными крышками. Не забудьте наклеить на каждый экспонат этикетку. Без неё все экспонаты теряют смысл, их нельзя «прочитать». Этикетка — её надо ставить в правом углу внизу — должна рассказывать о том, как экспонат называется, какое значение он имеет в хозяйстве страны, где, когда и кем он найден.

Записи наблюдений, заметки о животных и растениях перепишите на отдельных листочках в виде маленьких рассказов и сделайте к ним рисунки. Не смущайтесь, если вы не знаете названий животных или растений: их можно узнать у преподавателей, которые всегда охотно помогут вам в работе. Если у кого-нибудь найдутся книги, помогающие лучше разобраться в материале, подарите их музею.

Пионеры 374-й школы Москвы собрали трофеи Великой Отечественной войны во время своих походов по Подмосковию.

Наконец музей готов. Теперь можно приглашать и посетителей. Пусть они посмотрят и оценят вашу работу.

По лучшую оценку своему музею вы получите зимой, когда все ваши коллекции, гербарии и записи наблюдений пригодятся на уроках биологии, ботаники, географии, истории и химии.

НАШЕМУ МУЗЕЮ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

На ступеньки быстро взбежал лейтенант. Я не сразу узнал в нём бывшего ученика нашей школы... Оказалось, что мой гость здесь проездом, но не утерпел, — забежал повидаться с учителями, посмотреть школу, в которой он учился много лет назад, и школьный музей.

В музее лейтенант осмотрел несколько стендов и вдруг торжественно воскликнул:

— Вот она, моя находка!

Это был камешек, мало приметный среди разнообразных экспонатов музея, но он был явно дорог моему гостю.

Пятнадцать лет существует в нашей школе музей. Первыми организаторами его были ученики, которые окончили школу пятнадцать лет назад. Но они продолжают участвовать в расширении музея. В нашей школе вообще установилась хорошая традиция: не забывать школу, когда бы ты её ни окончил и где бы ты ни находился.

Моряк Петья Асташкин в дни войны привёз в вещевом мешке дары Баренцова моря: хрупкие скорлупки яиц морских птиц и скелеты морских ежей. Сергей Калинин, геолог, прислал из дальневосточной тайги корень жень-шеня и другие интересные редкости. Замечательную коллекцию уральских камней подарил музею горный инженер Нефёдов.

Непрерывно, почти ежедневно пополняют свой музей сегодняшние ученики. Совсем недавно ученик третьего класса Пирожков принёс коллекцию собранных им камней, Тугушева, ученица седьмого класса, — охру, которую она отыскала, исследуя один из оврагов в окрестностях Пачелмы.

В нашем музее бывает много экскурсий. Посещают его не только ребята, но и взрослые. Сюда приходят, чтобы посмотреть, какой была Пачелма семьдесят пять лет назад и как она из глухой деревушки среди болот и лесов превратилась в большой рабочий посёлок. В наших местах есть интересные исторические памятники. О Пугачёве и его крепости в селе Фелипатовке у нас

Школьный музей окажется очень хорошим помощником в учении. И помогать он будет не только вам, но и тем ребятам, которые придут в школу после вас.

В некоторых школах такие музеи давно уже есть. Очень хороший музей организовали ученики Пачелмской школы. Прочтите о нём здесь.

Толя Смагин (слева), окончивший Пачелмскую школу, передаёт учителю биологии Константину Никитичу Соколову чучела, которые он сделал для школьного музея.

до сих пор рассказываются легенды. Костя Финаев ходил в это село и два дня рисовал для музея развалины крепости. Заглядывают в музей хозяйственники района и часто находят там полезные сведения. Наши юннаты и путешественники давно уже разведали места лекарственных трав и полезных ископаемых. В музее висят карты этих мест, сделанные ребятами. Ещё в 1938 году пачелмские юннаты отметили на своей карте нефть, сейчас нефтяники ведут разведку этого месторождения.

Наш музей пока невелик, но мы всё время пополняем его новыми экспонатами. А в этом году затеяли обмен экспонатами со школьным музеем села Атгис. Их музей ещё старше нашего: он существует уже более двадцати лет. Мне кажется, что такие музеи могут быть в каждой школе, где возьмутся за это пионеры.

*Заслуженный учитель РСФСР
К. Н. Соколов*

Ст. Пачелма, Пензенской области

СПОРТИВНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Заслуженный мастер спорта СССР Н. Озолин

Рис. Я. Титова

Возьмите кусок воска и попробуйте слепить из него какую-либо фигурку. Вы чувствуете, как легко поддается воск вашим пальцам, как он легко меняет свою форму.

Это оттого, что воск пластичен.

Человеческий организм тоже пластичен; он может изменяться под влиянием физических упражнений.

Вот, например, мальчик с плохо развитой мускулатурой, худенький и слабый, начинает заниматься физической культурой. Во время упражнений сердце его чаще сокращается и сильнее посылает кровь в мышцы. Мышцы получают больше кислорода и питательных веществ, и от этого они увеличиваются и становятся сильнее.

Вместе с мускулами укрепляется и сердце, развиваются лёгкие: чтобы усилить приток кислорода в кровь, физкультурник должен глубже и чаще дышать.

И если этот слабенький мальчик будет регулярно заниматься физкультурой, то уже через год он увидит, вставши перед зеркалом, как увеличился рельеф его мускулатуры, а пройдёт ещё несколько лет — и он превратится в юношу с красивой атлетической фигурой, ловкого, сильного и выносливого. Говорят, в здоровом теле здоровый дух. И это совершенно правильно. Спорт воспитывает мужество, настойчивость и силу воли.

Советские садоводы выращивают замечательные сады, которым не страшны сибирские морозы. В этих садах яблони не стоят, а стелются по земле, через них легко перешагнуть. Садоводы пригнули тонкие стволы саженцев к земле, приколотили их деревянными рогульками — и молодые деревца покорно изменили свою форму.

Конечно, эту операцию можно проделать только над гибким и пластичным молодым деревцом, никому не пришло

бы в голову изгибать взрослое, сформировавшееся дерево.

У вас, юных физкультурников, есть преимущество перед взрослыми. Ваш организм, ребята, обладает большей пластичностью, он растёт и развивается, и очень важно помочь ему развиваться как можно лучше и совершеннее.

КАКОЙ ВИД СПОРТА ЛУЧШЕ

дни из вас увлекаются футболом, другие любят лыжи, третьи — гимнастику или лёгкую атлетику.

Но достаточно ли заниматься каким-либо одним видом спорта для того, чтобы стать сильным и выносливым, смелым, быстрым и ловким?

Я должен огорчить тех из вас, кто увлекается каким-либо одним видом спорта.

Если вы будете заниматься только гимнастикой, только боксом, только лыжным спортом, — ваш организм не получит всестороннего развития, и вы никогда не станете отличными спортсменами.

Как же так, удивляетесь вы, ведь многие известные спортсмены потому только и стали рекордсменами, что занимались своим любимым видом спорта с детства? Это тоже правильно, отвечаю я вам, но не будем забегать вперёд. Когда прочтёте мою статью до конца, тогда вам станет всё понятно.

Вы хотите развить свою мускулатуру. В этом вам помогут упражнения на гимнастических снарядах, прыжки, упражнения с гранатами и тяжёлыми набивными мячами. Но будут ли от таких упражнений развиваться и сердце, лёгкие и другие внутренние органы? Нет, этому помогают ходьба на лыжах и бег по пересечённой местности (кроссы).

Вы хотите быть быстрыми: ведь быстрота нужна и в боксе, и в футболе, и в прыжках, и в хоккее. Быстроту развивают бег на короткие дистанции, лапта, баскетбол.

Может быть, вы увлекаетесь плаванием? Но разве вы

не хотите быть ловкими? А для этого надо заниматься прыжками в воду, прыгать на лыжах, упражняться на гимнастических снарядах, играть в футбол и баскетбол.

Возможно, вы твёрдо решили стать боксёрами. А знаете ли вы, что абсолютный чемпион по боксу Н. Королёв включает в свою тренировку кроссы, упражнения со штангой, гимнастику, ходьбу на лыжах?

Конечно, каждый вид спорта в той или иной мере развивает силу, выносливость, быстроту, ловкость, воспитывает смелость, уверенность, силу воли. Но ни один вид спорта не может этого сделать в совершенстве.

Вот почему физкультурные комплексы БТО и ГТО включают в себя различные виды спорта.

После того как у вас будет общая физическая подготовка, можно заняться тренировкой в избранном виде спорта. Но и при этом вы никогда не должны забывать об общей тренировке, как не забывают об этом и лучшие наши мастера спорта.

Мне уже сорок один год. За моими плечами многие годы разносторонней тренировки, которую я начал двадцать пять лет назад. Я всегда любил лёгкую атлетику, хотя, по правде сказать, надежды на хорошие спортивные успехи у меня не было.

В 1922—1923 году я прыгал в высоту сразбегу. Эти прыжки давались мне лучше всего — и всё-таки я прыгал только на 1 метр 20 сантиметров, а с шестом я взял всего 2 метра 16 сантиметров. Наверно, у многих из вас результаты значительно выше.

В течение многих лет я увлекался лёгкой атлетикой, но кроме того занимался гимнастикой, ходил на лыжах, играл в футбол, баскетбол, теннис, прыгал в воду. Это помогло мне укрепить свои мускулы, приобрести быстроту, выносливость и ловкость. А на этой основе уже в 1927 году мне удалось установить свой первый всесоюзный рекорд в прыжке с шестом — 3 метра 43 сантиметра, а впоследствии повысить его до 4 метров 30 сантиметров. Но даже когда я стал рекордсменом СССР, я не бросал занятий другими видами спорта: я занимался гимнастикой на снарядах, упражнялся со штангой, ходил на лыжах, летал на планере и даже ухитрился выиграть первенство СССР в прыжках на лыжах.

ПОЧЁМУ К. КУДРЯШОВ СТАЛ ЛУЧШИМ ПРЫГУНОМ НА ЛЫЖАХ

Потому, что он с восьми лет катался на самодельных лыжах, спустился с гор, делал повороты, поднимался чуть ли не по отвесным кручам, прыгал с разных трамплинов и в конце концов в совершенстве научился владеть собой и лыжами. Он воспитал в себе смелость, он не закрывал глаза от страха в полёте, а внимательно смотрел сверху, лёта над снежной горой, и отлично чувствовал своё положение в воздухе. Искусство полёта далось ему не сразу. На это понадобился ряд лет. Я тоже прыгал на лыжах и занимался этим спортом примерно столько же лет, но никогда я не чувствовал себя так уверенно в полёте, как Кудряшов. Это и не удивительно. Я учился прыгать на лыжах, когда мне было двадцать шесть лет и мой организм уже не был таким пластичным, каким он был в более ранние годы.

Вот почему очень многие выдающиеся спортсмены выросли из ребят, рано увлечшихся каким-либо видом спорта.

Значит, всё-таки выходит, что можно заниматься только одним видом спорта, спросите вы меня.

Вот теперь послушайте меня особенно внимательно и крепко запомните то, что я вам скажу.

Все наши лучшие спортсмены, начавшие заниматься каким-либо спортом в раннем детстве, достигли больших успехов только потому, что они занимались и другими видами физкультуры и спорта. Те ребята, кто, увлекшись одним видом спорта, не думали о своей всесторонней физической подготовке, так и не достигли спортивного мастерства.

Приведу только один пример. Мальчик, очень талантливый в спринте, установил рекорд СССР в беге на 100 метров. Все в один голос пророчили, что одарённый мальчик через несколько лет, когда станет взрослым, сумеет побить всесоюзный рекорд. И вот мальчик, воодушевлённый своим успехом, тренируется несколько лет, становится взрослым, но... даже не приближается к рекорду. Оказалось, мальчик тренировался все эти годы только в беге на скорость. Поэтому он и не достиг того, к чему стремился. Но то, что он не достиг рекорда СССР, не так уж страшно: не могут же все быть рекордс-

менами! Плохо то, что такая узкая, односторонняя тренировка не сделала его крепким, здоровым и выносливым, готовым к труду и обороне человеком. А ведь это — самое главное.

Итак, если вам нравится футбол, или бокс, или фигурное катание на коньках, или теннис, или ещё какой-либо вид спорта, то обязательно занимайтесь им, овладейте его техникой. Но вместе с тем никогда не забывайте и о своём «фундаменте», о всесторонней физической подготовке.

КАКУЮ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ВЫБРАТЬ

Полюбимый вид спорта есть у каждого.

Есть ребята, которые сразу втягиваются в футбол, или бокс, или в какой-

либо другой вид спорта. Их уже никакими силами не оторвёшь от любимого спорта. Они добиваются успеха, у них нет никаких колебаний. В таких случаях считайте: выбор сделан. Но всё же не забывайте, что может быть и ошибка. Немало есть примеров, когда люди, увлечённые одним видом спорта, ошибались в выборе. Конечно, у каждого из вас есть природные способности к какому-нибудь виду спорта, но очень часто их нельзя выявить в вашем возрасте. Сегодня мальчик худенький и слабый, а пройдёт несколько лет занятий спортом — и никто не узнает этого мальчика в плечистом, сильном и ловком парне.

Вот совсем курьёзный случай произошёл со мной. В 1926 году я проиграл в прыжке с шестом Александру Шехтелю, но зато я обогнал его в толкании ядра. А значительно позднее я поставил рекорд СССР в прыжке с шестом, а Шехтель — рекорд СССР в толкании ядра!

Поэтому занимайтесь разными видами спорта. И постепенно вы увидите, в каком спорте у вас успех больше. Вот тогда считайте, что свою спортивную специальность вы выбрали правильно.

В МИРЕ КНИГ

Свободен, как беркут!

Читал ли ты книгу «Захар Беркут»? Это историческая повесть. Её написал замечательный писатель, украинский классик Иван Франко. Повесть переносит нас в далёкий XIII век, в ней действуют славяне Карпатской Руси, скотоводы, лесорубы, охотники, смелый свободолюбивый народ, люди с честными сердцами, прямые и верные. И вся книга Франко смелая, светлая, свободная, как его герои, как тот чудесный край, который писатель описывает: с серебряными озёрами, вековыми лесами, с бурными потоками, что гордо пробивают себе

путь среди гранитных громад, с богатейшими горными пастбищами, над которыми в лазурном прозрачном воздухе плавают и кружат орёл беркут — свободная птица гор!

В этой повести, яркой и богатой, многое сумел рассказать и показать писатель. Здесь и охота на крупного зверя, схватка один на один с медведем смелой девушки Мирославы. Здесь и сход вольных славян, которые собираются потолковать о своих делах и честно вернуть суд у прозрачного родника, где посреди их круга полочется на ветру малиновое, расшитое серебром знамя вольности.

Книга Франко — это повесть о том, как в страшный час, когда пришли на русскую землю монголы, маленький тухольский народ, дружный, смелый, весёлый, полный чувства собственного достоинства, сумел весь, до последнего человека, встать на защиту милой своей свободной Тухольщины.

Повесть о том, как стал изменником спесивый и жестокий к народу боярин Тугар Волк, как дочь его, прекрасная Мирослава, прискакала на коне в лагерь тухольцев, научила их делать осадные машины для метанья огромных камней в стан врага и осталась с ними до конца. Как Захар Беркут, мудрый водитель народа, отка-

зая спасти из плена своего горячо любимого сына Максима, так как взамен этого надо было выпустить монголов из долины где они были заперты.

Повесть о том, как обрушился тухольцы священную заветную скалу, сторожа долины, преграждая тем самым путь реке, и как монгольские воины во главе со своими военачальниками начали тонуть в этой страшной западне...

Прочти эту книгу, и ты узнаешь много интересного о том, как жили, трудились, воевали и побеждали своих врагов мирные крестьяне горных селений.

Мечтая о прекрасном будущем, старый Захар Беркут говорит: «...Счастливы тот, кому будет суждено жить в те дни! Это будут прекрасные дни, дни весны, дни народного возрождения!»

Сейчас, когда наконец не в мечтах, но наяву пришли эти дни, дни весны и народного возрождения, когда общее счастье разделяют с нами и западные украинцы, земляки и братья Франко, влившиеся наконец в единую семью русского народа, как приятно и радостно читать эти твёрдые, полные веры слова большого писателя, который жил и умер, как он сам о себе говорит, на заре счастливой поры.

Н. Соколова

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Дружно за дело. — К. В. Воронков, заведующий отделом пионеров ЦК ВЛКСМ.	1 стр.
Детская школа — Повесть М. Марьенкова. Рис. В. Вилкоурова.	3
Берёзки у дорог — Стихи З. Александровой. Рис. В. Целмера.	8
Задача — Рассказ А. Некрасова. Рис. Я. Тимова	9
Они мечтали о нашей стране — Н. Розенкноп. 12	
Гриб борюк — Стихи Е. Трутневой.	15
К тридцатилетию комсомола.	16
Лагерь во дворе — Ф. Павлова. Фото С. Преображенского.	17

Гадюна — Рассказ Ю. Сотника. Рис. А. Лантева.	20 стр.
Послушные клубни. — Н. Раikovская.	25
Пионеры на колхозных полях.	29
Для всего района — С. Юрьев.	31
Пионерский музей — Ф. В. Чебышева, Б. И. Лютнев.	34
Нашему музею 15 лет — К. Н. Соколов, заслуженный учитель РСФСР.	36
Спортивная специальность — Н. Озолин, заслуженный мастер спорта СССР. Рис. Я. Тимова.	37
В мире книг.	40

На обложке: картина лауреата Сталинской премии А. Пластова
„В школьном саду“

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д-3-30-73.

Подписано к печати 13/VIII—48 г. Изд. № 634 82×110. 1/16 бум. листа. А 05208. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж — 58 000. Заказ 1734.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

РЕБЯТА!

Укрепляйте своё здоровье!
Закаляйте свой организм!

В течение всего года каждый день делайте утреннюю гимнастику. После гимнастики обязательно нужно обтереться мокрой рукавичкой, или облиться водой, или принять душ.

Летом купайтесь в речке, в озере, в море и принимайте солнечные ванны. Приучайте себя к солнечным ваннам постепенно: начинайте с 10 минут и прибавляйте каждый день по 5 минут, но не лежите на солнце свыше часа. После солнечной ванны обязательно выкупайтесь или оботритесь мокрым полотенцем.

О том, сколько минут вам можно загорать на солнце, посоветуйтесь с врачом. Как можно больше времени проводите на воздухе. Приучайтесь спать при открытом окне или форточке даже зимой.

Закаливание сделает вас выносливее, крепче, здоровее. Ваш организм будет лучше сопротивляться заболеваниям.

Приступайте к закаливанию летом.

Не забудьте предварительно посоветоваться с врачом.

*Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР.*

Летучая собака

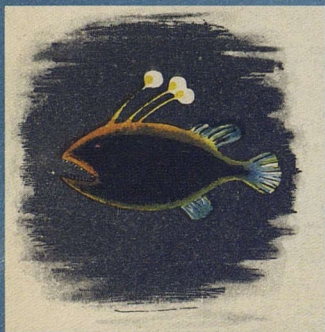
Улитка булим

Утконос

Муравьи-листорезы

Рыба трёхзвёздный удильщик

Рыба-парусник

Что вы знаете о животных, нарисованных здесь? Напишите нам.